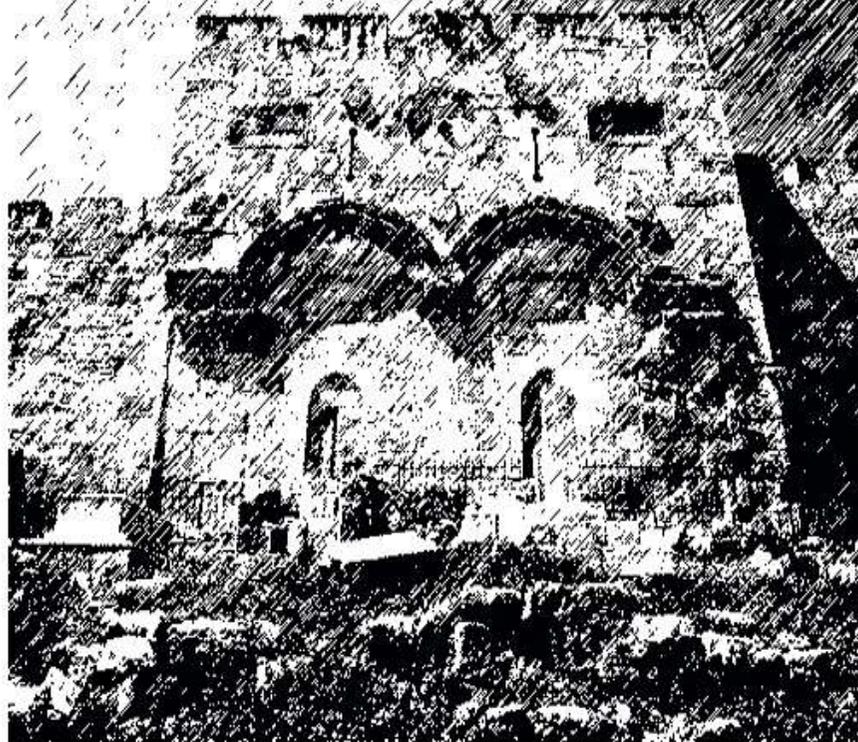

Сергей Загнухин

ТЕСТ на МЕССИАНСТВО

Сборник рассказов

Новокузнецк
2011

Муниципальное учреждение
Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Сергей ЗАГНУХИН

**Тест
на мессианство**

**Рассказы,
написанные для сетевых конкурсов**

Составитель – Калашников Н.Н.

Новокузнецк
2011

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
3 14

Загнухин Сергей Владимирович

Тест на мессианство : рассказы, написанные для сетевых конкурсов / Сергей Загнухин ; составитель и ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2011 . – 68 с. : ил., портр.

© Сергей Загнухин
Фото Валерия Колотвина
Рисунок на обложке – Светланы Журавлевой

ЗАГНУХИН Сергей Владимирович родился 23 октября 1962 года в Новокузнецке. Закончил технологический факультет Сибирского металлургического института. За время учебы отслужил в армии. После института работал на заводе «Амурсталь» (Комсомольск-на-Амуре). Вернувшись в Новокузнецк, работал инженером-конструктором в сортопрокатном цехе КМК. Затем несколько лет проработал в лечебно-оздоровительном центре «Сенсус», видеоинженером на телевидении («10 канал» ННТ). В настоящее время – сотрудник центра культурных программ Новокузнецкой библиотеки им. Н.В.Гоголя. Увлечения: фотография, видеосъемка, туризм, периодически – бег на длинные дистанции. В КЛФ «Контакт» пришел летом 2003 года. Первая публикация – рассказ «Козлиная история» – в газете «Курс» (г. Белово) 22 декабря 2006 года. Первая книга рассказов «Три желаньица» вышла в 2008 году.

Женское счастье

Автобус вёз Веру Сергеевну, капитана внутренней службы, начальницу кафедры географии в профильном институте провинциального городка, по израильскому шоссе.

Впечатлений от турпоездки у этой видной крупнофигуристой черноволосой высокой капитанши накопилось уже на отметку «крупный перебор». Но... расслабиться же можно и вернувшись в родной Урюпинск, причём совершенно бесплатно.

Пока же автобус нёсся туда, где можно «увидеть весь Израиль в одном месте», вспомнился Вере сон, посетивший её этой ночью.

А видела себя кандидат наук в самых разных фантастических образах: то златовласой полуобнажённой красавицей с розами, то суровой спасительницей мира с чудесным мечом; особенно же запомнился проход через какой-то таинственный туннель, изрекавший судьбоносные пророчества, из которых запомнилось только, что ждёт её нечто абсолютно неожиданное. К таким знакам судьбы, Вера Сергеевна, страстно увлечённая всяким мистицизмом и оккультизмом, не могла остаться равнодушной.

Целью поездки оказался огромный парк с уменьшенными копиями исторических памятников: были тут и хевронские гробницы патриархов, и храм Бахаи из Хайфы, да много ещё чего. Но остановилась как вкопанная Вера Сергеевна перед Золотыми воротами.

Ещё при посещении настоящей Храмовой горы поразило её предание о том, что только через эти ворота войдёт в Иерусалим Мессия, и заложили их камнем именно для того, чтобы не пустить Избранного в вечный город. Уже тогда атаковала наша капитанша гида вопросом: почему Спаситель всегда упоминается как мужчина, не может ли им оказаться женщина. Этот сублильный юноша тогда как-то ловко увильнул от ответа. Рясоносцы же, до которых она добралась с тем же вопросом, не вступая в долгие дискуссии, безоговорочно отрубили: «по Писанию».

Сейчас же, доведённую до высшего мистического градуса всем обетованным туром и таинственными снами, Веру Сергеевну молнией пробила страннейшая мысль: а что если Избранной можно стать, пройдя через эти Золотые ворота? Конечно, это просто макет, но в религиях часто используются символические замены, да то же причастие – под видом хлеба и вина христиане принимают настоящее тело и кровь Христа. Вот хотя бы и речь взять писанную буквами – они тоже ведь знаки, слепки, макеты настоящих слов, а действие, зачастую, оказывают куда большее чем настоящие. Народ давно это подметил: «Что написано пером...».

Уж через эту-то макетную стеночку она пробьётся, а что её может остановить: дочка уже взрослая и вполне счастлива в своей Новой Зеландии; на работе повышение светит только после второго пришествия; личной жизни никакой... Откуда личной жизни взяться, если мужчин настоящих не осталось – одни козлы кругом... как бывший муженёк... козлы да тряпки...

И тут вспомнился ей почти анекдотический случай, произошедший прямо накануне вылета. Спеша закончить все бумажные дела, заперлась Вера Сергеевна в своём кабинете и по случаю страшной жары, сняла китель и рубашку, оставшись выше пояса в одном бюстгальтере... а он у Веры такой полупрозраченький и грудь под ним красивая и немаленькая...

Не найдя взаимопонимания с компьютером, вызывает она Геннадия Александровича из отдела автоматизации. Геночка увалень ещё тот, и всегда-то не торопится, а в жару – тем более. Пока он там где-то раскачивался, Верочка кое-как договорилась с капризным железом и полностью погрузилась в отчётность, услышав же стук в дверь, пошла открывать, полностью забыв о своей форме одежды – в neglige.

– Геннадий Александрович! Ну где вы ходите? Я вас уже заждалась.

– Да? – и почему-то не заходит, а ушки как будто прижались и выражение на лице просто обалдевшее... – а мне что, можно?

– А что, вам какого-то особого приглашения нужно? – бросила Вера через плечо, отходя к столу. – Я в нетерпении!

– У вас всё в порядке?

– Да в каком порядке, всё зависло – разве не видите?

– Вижу.

– Ну, так что стоите как засватанный? Приступайте.

А была Вера Сергеевна женщина решительная и спокойно командовала не только курсантами, но и сослуживцами.

Каково же было её удивление, когда Геннадий Александрович, закрыв дверь, как-то бочком, бочком подобрался вплотную не к компьютеру, а к ней самой и, уже решительней, обнял её за плечи да пристроился целовать...

Хватило у неё выдержки и самообладания, чтобы не скандалить и перевести всё в шутку – сама же спровоцировала, и не хватило времени развить успех – завтра улетать, а отчётность сдать нужно кровь из носу...

Да... тряпки они разные бывают... некоторые очень даже могут в хозяйстве пригодиться... Ну их, эти ворота: есть у нас ещё дома дела...

Каждому – своё

Не задумывались ли вы, чем человек отличается от животного? Может быть – фантазией и воображением? Стоило Платону, для

популяризации своих идей, придумать – ну или творчески позаимствовать у малоизвестного автора – могущественную Атлантиду, как поднялся девятый вал, нет – целый тайфун продолжателей, подражателей, последователей и других фантазёров, не стихающий и до сих пор. Все эти мадамы Блаватские, универсологи Поляковы, офтальмологи Мулдашевы и прочая творческая братия расскажут нам про атлантов такого, о чём Платону – в его Древней Греции – и не снилось. Вот что значит воображение... добропорядочным Шарикам и Матроскиным такое и в голову не взбрѣдет. Кто сейчас вспоминает об идеальных (по мнению Платона) и таких же мифических Афинах, с которыми и воевала погрязшая в разврате и роскоши Атлантида. Ну, это же скучно и серо – про правильное-то...

Да, о чём это бишь я... где рассказ-то, пусть даже и мини. Умные люди говорят, что должен быть сюжет: завязка там, кульминация, развязка... ну или хоть что-то из этого... попробуем...

Недавно стал невольным свидетелем разговора двух подруг, одна – как я понял – только что вернулась из турпоездки во Францию и спешила поделиться впечатлениями.

Так вот, «парижанка», по всей видимости – искусствовед, женщина, для своего зрелого бальзаковского возраста, «приятная во всех отношениях», пыталась поделиться в первую очередь культурными ценностями: рассказом о Лувре, Родене, Матиссе, Сен-Женевьев де Буа и прочем подобном, а её визави, невысокая рыженькая кучеряшка-симпатяшка, на вид помоложе, с мелкими чертами лица, всё сворачивала на животрепещущую для себя тему – о мужчинах.

И высокое искусство с лёгким вздохом сожаления наконец сдалось:

– Были и мужчины...

– Ну рассказывай же ж скорей, – чуть ли не запрыгала от нетерпения кудряшка.

– Первый – высокий сухощавый мужчина, немножечко носатый – по французски, владелец небольшой антикварной лавочки на развалах, ты же знаешь, я собираю петухов, и вот я роюсь на столе и что-то растерялась и не смогла построить фразу, выдавила из себя только «лѣ ко» – петух, а он как обиделся, принял на свой счёт – обзывал его так кто-то в молодости, что ли, да он и похож немного, на галльского, голенастый такой – и как начал ворчать и гундеть, всё конечно по французски, а я послушала, послушала и тоже как начала тараторить, в том смысле: «А что я вам сказала, ну я коллекционер, собираю петухов...», ну и прочее в том же духе, и всё это, естественно – по русски... Так и разошлись, ворча и гундя друг на друга: никакой романтики. Вот это был первый мужчина.

– И это всё?!

– Нет, был и второй. Иду я как-то к оперному театру и стоят роскошные французские мужчинки, такие фешенебельные –

фотографируют на разные аппараты, а я подумала: «Боже мой, где я их найду, как договоримся – с моим-то французским». А тут стоит с поляроидом дядька, поляроид – это, конечно, отстой и позапрошлый век, но ладно, зато фотки сразу. Он чего-то лепечет: какая я «бон-мадам», жмёт на кнопку, а потом мне выдаёт три жутких снимка – поляроиду наверно лет двести, там всё мутно, зажаристо, незакадровано, и требует бешеные деньги – восемнадцать евро!

– Ну и сказала бы: пшёл вон и засунь их себе в хитрую задницу, – по лицу подруги видно, что она-то так бы и сделала. – Но ты у нас русская Маша, конечно, заплатила...

– Зато обозвала его мошенником и заставила сфотографировать меня на мою же «мыльницу»... но снимков тебе не покажу – лицо там у меня злое, всё какое-то перевёрнутое. Вот такой второй мужчина.

– А как же французский лямур... тужур?.. Неужели не нашла?

Тут нашего искусствоведа прямо прорвало, почти криком, переходящим в ультразвук, она закончила разговор со своей легкомысленной знакомой:

– Послушай, дорогая! Я всю жизнь мечтала попасть в Париж! Совершенно случайно это осуществилось, я ехала знала – куда, я ехала знала – зачем. Там меня ждали родные, любимые, знакомые художники, поэты, архитекторы, мосты, площади, дворцы, соборы... а ты хочешь, что бы я потратила драгоценные семь дней на поиски неизвестно чего... Были в нашем хостеле соотечественники... всё с баулами таскались... коммерсанты... – и выговорившись и успокоившись, добавила сакраментальное: – Каждому – своё.

Когда не ждёшь

*** октября.

День рождения... Когда-то ждал его... А теперь... Ну вот, ещё на год ближе к полувеку... и что? Сына не родил (вроде бы), дома не построил, разве что дерево посадил (даже не одно) и... Какой след останется... кроме зелёных насаждений?.. Дюжина-другая статей в городскую газету? Кто их через пару лет вспомнит? Пяток-десяток любительских фильмов? Да и к этому интерес потихоньку улечивается... Что за фатальная особенность – бросать на полдороге? Сколько уже таких недовспыхнувших прекрасных порывов?.. Флейта, йога, марафонский бег, живопись... А, да много ещё что.

Утешиться у семейного очага тоже не получится... Не сложилось и с ним – с очагом. Видимо, привычка сворачивать на полпути и тут подставила ножку. Племянники, конечно, дядю любят – ещё бы, всех четверых с пелёнок помогал сестре холить и лелеять, да и теперь повозиться или почитать там, за город свозить – с удовольствием. Но, всё-

таки, это не совсем то – нет того единственного близкого человека, с которым все радости и печали...

С работой вот явно повезло, нашёл, наконец, своё место – после всех-то зигзагов: металлург, инженер, массажист, психолог, телевизионщик – десять лет уже подвигаюсь на ниве посева разумного, доброго... Вот вечного ли? А что вечно под Селеной? Как бы то ни было, любимое дело – уже немало. Но не работой же единой жив человек? Тем более не трудоголик. Всё равно, низкий поклон судьбе за роскошный подарок – городской дворец культуры.

Здоровья прежнего уже нет: то тут побаливает, то там покусывает. И ведь знаю, вроде бы, как прежнюю форму набрать, но всё чаще какая-то меланхолическая депрессивность накатывает, этаким синдром хронической усталости... или просто лень... а может это уже старость подкрадывается?..

Был бы верующим, возопил бы к Богу: где мой ангел-хранитель!? Так и веры настоящей нету, так, одна теплохладность – агностик, наверно...

*** октября.

Женщины на работе опять какие-то интриги мадридского двора развели... Вот ведь, по отдельности – замечательные люди, в меру тихие, интеллигентные, за свои клубы болеют, а как соберутся вместе... куда всё девается – давай малоросскую раду устраивать: кто недоработал, кто переработал, часы, доплаты, начальники, молчалники (тихушники)... Я понимаю: кризис, личная жизнь не складывается (у многих), амбиции, слухи о сокращении, то, сё... И снова меня пытаются втянуть... В который раз придётся задействовать тихий пламягаситель – всех успокаивать, авось и теперь рассосётся...

*** октября

Лена Дежнёва заходила – оказывается, она теперь у нас работает, в отделе искусств. Видел её раньше на концертах бардов – гитарой неплохо владеет, и голос замечательный, да и сама такая ладненькая, личико симпатичное – хорошо, что в ДК к нам устроилась. Для работы со школьниками ей нужно ролик сделать по песням Пахмутовой в кино, надо по сети пошариться, поискать материал.

*** ноября

Нашёл хорошие нарезки по Пахмутовой; пока монтировали, поговорил с Леной немного – она ещё и неглупа, не старше двадцати пяти, а жизнь уже изрядно помотала: после литфака, даже судебным приставом успела побывать, это при её-то хрупкости, изящности и тактичности. Чудны дела твои, Господи!

Город тесен, она ещё и литературу преподаёт у старшей племянницы в православной гимназии: сильно хвалила Женьку, ещё бы – они все у нас читателями растут, не зря же мы им всем с мелкого горшка разную детскую литературу читаем.

Ещё Леночка попросила восемь клипов с юбилейного концерта Пахмутовой сделать, сама и песни отобрала – удивительно разнообразное попурри получится.

Порыться, что ли в съёмках концертов – смастерить фильмец о бардессе Дежнёвой? Хорошему человеку, наверно, приятно будет.

***ноября

Попалась на глаза старая блокфлейта... сколько же лет я её в руки не брал? Думал, племяннички уже давно сломали или раздудели – ан нет, жива ещё курилка и даже звучит неплохо. Вот и ноты, оказывается, не выкинул... попробовал сыграть «Одинокого пастуха»... а руки-то ещё помнят, помнят времена неглубокой молодости, когда самостийно учился играть на этой сопранке...

***ноября

Показывал сегодня Леночке пахмутовские клипы... соприкоснулись случайно коленками... взволновался, прям, как во времена далёкой юности... надеюсь, хоть не покраснел... Неладно что-то в Датском королевстве...

Похоже, она себя золушкой считает: когда смотрели отрывки, сказал, что одна певица на Лену похожа, и услышал: «Так она же красивая!»... Или комплексует?.. Как-то не решился уверить, что по мне – она гораздо милевиднее... Ну прихрамывает немного, почти незаметно – это же мелочи... Загадочна ты – женская душа...

***декабря

Как-то легко, само-собой, выскользнул утром на пробежку – полгода уже не мог себя вытолкать... Здорово... Это чувство бодрой усталости во всём теле... Выдохся, правда, быстро, но заряда энергии и оптимизма хватило на целый день. Если не бросать, летом и до полумарафона можно добежать.

***декабря

Подарил Леночке собственноручный фильм «Знакомьтесь – Лена Дежнёва». Радовалась, как ребёнок, даже в щёчку чмокнула... Почувствовал себя вьюношей на первом свидании... чуть не наговорил каких-то милых глупостей, но вовремя взял себя в руки: вспомнил про годы, про лысину на темечке... Ну поцеловала на радости – никто про неё фильмов ещё не делал – а дядя в летах уже и размечтался...

***декабря

Всем учреждением ездили на предновогоднюю поездку в дом отдыха «Сосновый бор». Похоже, Высший Метеоролог любит работников культуры: вчера мороз, завтра тоже обещают, а сегодня природа порадовала нас замечательно тёплым днём.

Пока наш, не всегда дружный, коллектив, забыв про клановые дразги, на сей раз дружно предавался зимним забавам: катанию на коньках-лыжах-санках, езде с горок, творению фигур из снега, жарке сосисок и всему такому прочему, полезному для отрешения от суеты

повседневности, – мы с Леночкой гуляли по сосновому бору.

Это были одни из счастливейших часов моей жизни! Снег падал крупными хлопьями, потихоньку засыпая наши следы. Ветер тихо шептал что-то ободряющее вершинами краснокорых великанов. Синички, назло студёной действительности, порхали парами. Даже вороны сквозь пелену снегопада казались посланцами сказочных королевств. И мы, как античные авгуры, прозревали будущее по рисунку их полёта... Предвидения, как им и положено, выходили исключительно туманными, но неизменно радужными... Разговор был непринуждённым, а молчание – лёгким...

Как же быстро пролетели эти мгновения... Но мне показалось... что интерес был взаимным, и, несмотря на почти двойную разницу в возрасте – не только интеллектуальным... Или только показалось?..

Ну, возрастному мужчине вспыхнуть от лёгкого касания молодости немудрено, а вот наоборот... Или не заморачиваться, а просто пригласить её на новогоднюю премьеру «Аватара»? – говорят эпохальный фильм... Глядишь, и год какой-нибудь вместе встретим, не новый, так старый новый...

Строчка из какой-то песни привязалась, целый день в голове крутится: «Ты мой ангел-хранитель, Ты мой Ангел-Хранитель...»

Осколки ушедшей эпохи

Здравствуйте, дражайшая Людмила Анатольевна. Вспомнив нашу последнюю встречу и обоюдные сетования на отмирание такого явления в общении между людьми, как личная переписка и угасание привычки писать вообще, решил, отринув напрочь возможности интернета и мобильной связи, по старинке взять в руки перо. Действительно, какое, бывает, испытываешь наслаждение, вчитываясь в строчки эпистолярного наследия великих людей. Нимало не дерзая достичь когда-либо известности, лшу себя надеждой быть интересным Вам лично и надеюсь дожждаться ответной весточки.

За отсутствием мало-мальски выдающихся событий в своей скромной жизни, рискну описать Вам первую весеннюю вылазку на природу.

Отбившись от домохозяек, стращавших меня грозной клещево-энцефалитной опасностью, нехитрой сентенцией: «Клещей бояться – в лес не ходить», отправился я в прошедшее воскресенье навестить ближайшую берёзовую рощицу, езды до которой на пригородном автобусе за номером сто тридцать семь каких-то двадцать пять минут.

Последовав зову знакомой тропинки, я воочию узрел, что весна твёрдым шагом уже вступила под полог леса. Снег ещё не стаял окончательно, но прятался по лощинам, впадинам и за стволами самых мощных деревьев. Почки вовсю готовились открыть свету зелёные

личики своих подопечных. Первоцветы только ждали команды тёплых солнечных лучей, чтобы наперегонки пуститься в неудержимый рост. Зима ушла, природа очнулась от долгого сна, и птицы радостными трелями приветствовали её пробуждение.

Отсутствие привычного городского шума, щебетание пернатых, свежий ветерок, пропитанный флюидами возрождения и переизбытком кислорода, быстро привели меня в эйфорическое состояние, следствием которого случилось некоторое приятное кружение головы. Приглядев удобное местечко у корней старой берёзы, растущей на небольшом взгорочке, Ваш покорный слуга решил предаваться дальнейшему созерцанию красот, сидя под кроной древесного патриарха. Желая устроить некое подобие настила под седалище и парой ударов сломав торчащую вблизи нетолстую корягу, с изумлением обнаружил я, что сей пенёк служил пристанищем целой семье лесных муравьёв. Воображение тут же представило мне бедолаг, мечущихся по коридорам своей, как оказалось, не надёжной крепости:

Удар! Стены родной башни содрогнулись... Тревога мгновенной волной затопила коридоры и разродилась громкими криками, воплями и командами:

- Аааа!..
- Что это!!?
- Караул!
- Воины к воротам!

Второй удар! Привычный мир судорожно дёрнулся и завалился в тартарары... Поддавшиеся панике бестолково заметались, мешаясь под ногами сохранивших мужество.

- Дозорных пропустить!
- Спасай царицу!
- Дорогу пластунам... прочь с пути!
- Деток, деточек в первую очередь!

Едва обуздал я разыгравшуюся свою фантазию, как тут же услужливая память вытащила на свет божий нелепый стишок, пришедший мне как-то на ум в похожей ситуации:

Тропкой лесною бредя,
Я раздавил муравья.
Как тут ходить по лесам...
Будь Махавира ты сам.

Вы, конечно, помните, драгоценная Людмила Анатольевна, наши разговоры про религию джайнов и их трогательный обычай разметать перед собой путь специальным венчиком, во избежание причинения вреда даже насекомым.

Так и простоял я под той берёзой до конца своей прогулки, размышляя о невозможности исправить некоторые вещи, сделанные нами

из поспешности, необдуманности или просто по глупости...

За это время мураши успокоились, перестали бегать, и подумалось мне: а так ли необратимы некоторые поступки, казавшиеся нам некогда таковыми?

На сём спешу откланяться, незабвенная (мною) Людмила Анатольевна, и, подгоняя быстротечное – когда не надо – и медленнобредущее – когда хочется обратного – время, начинаю ждать ответа. Вечно Ваш... гроза муравьёв и прочих насекомых...

P.S. Если, паче опасениям, предстоит мне когда-нибудь стать известным, переписка моя никак не вытянет на отдельную книжку, а скромно притулится где-нибудь между биографией и некрологом.

P.P.S. Памятуя наши давние попытки говорить языком любимых книг, надеюсь, Вы великодушно простите мой «высокий штиль».

Космические страсти

В далях космоса безбрежных, на просторах мироздания жила-поживала одна молодая комета. Светом звёзд она умывалась, сил набиралась от быстро-шустрых нейтрино. Восхищались ею все пролетающие мимо мюоны. А один престарелый бозон из хитрейшего племени Хиггсов спросил, повстречавшись на узкой тропинке:

– Не скучно ли тебе, девица, не тоскливо ли тебе, синяя? Поблистать не желаешь – красой своей – на параде планет возле Солнышка? Ведь вблизи от светил жарко-огненных появляется хвост светло-пламенный у сестры вашей, у кометной-то.

Соблазнилась речами красавица – устремилась путями ближайшими, распуская косу свою юную. И вблизи от светила центрального расцвела та краса её девичья, растянулась на четверть эклиптики.

Привлечённый такую диковинкой, полетел ей навстречу добрый молодец – метеор – гость из дальнего космоса. Расточать стал хвалебные реченьки, завлекать дорогими подарками: минералами небывалыми, да кристаллами льда синь-прозрачными. Закружилась головка у девоньки, от речей тех сердечко растаяло. Не успела и охнуть красавица, как слились они в жарких объятиях, наслаждаясь любовными играми.

Попутру же, очнувшись, кометушка ощутила себя вдруг непраздную, от семян новой жизни-то в тягости. А залётного гостя как не было, улизнул втихаря добрый молодец, растворился в своих дальних космосах.

Опечалилась красна девица, да не девица уж – жёнка брошена... Попечалилась – погорюнилась, да отправилась потихонечку, выбирая планету родильную: разрешаться от тяжкого бремени.

Приглянулась ей третья от Солнышка: голубой атмосферой укутана, и тепла, и воды тут в достаточке. Лучше нет колыбельки для детушек.

«Пророчества Майя сбываются?»
«Огромная комета летит к Земле!»
«Конец света не за горами!!»
«Колыбель человечества станет его братской могилой!!»
«2012 – последний год мировой истории!!»
«Дождь серный и огненный или мировой потоп?!»
«Покайтесь, ибо приблизилось!!»
«Массовые самоубийства!!!»
«Волна бесчинств захлестнула пять континентов!!!»
«Ракеты не помогли!!!»
«Последний день планеты!!!!!!»

Ну что ты расплакалась? Потом новая жизнь возникнет и новые люди. Да это же сказка. Вот нашли кому поручить ребёнка укладывать – этнографу-любителю и неудавшемуся фантасту, да лучше бы я посуду помыл...

Сёстры по разуму

Вакуум бывает разный... Например – творческий. До окончания подачи работ на конкурс один день, а путных мыслей – кот наплакал... Вы видели, как плачет кот? Я – нет. Глаза-то у кошек слезятся иногда, но поговорка ведь не об этом. И тема вроде, как всегда, достаточно интересная, заслуженная можно сказать: «Братья по разуму», а в голове мумифицированными горошинками только пара каких-то банальностей катается... дельфины – обезьяны... обезьяны – дельфины... да ещё пингвины от мозжечка изредка проклёвываются. Но и эти робкие комочки замыслов, при ближайшем рассмотрении, тают поздневесенними сосульками под лучами здравого смысла. Покурить на балкон выйти, что ли? Авьось осенит чем.

Ноги – в чёрные пластиковые сланцы, семь шагов до двери по изрядно замусоренной ковровой дорожке, петли скрипят – кто бы смазал.

Заполночь. Носки третий день сохнут, при такой-то погоде ещё неделю будут – дожди без конца... Забытые на верёвке? Тьфу ты – шизофрения... Хотя Андерсен смог бы, который Ганс Христиан... или Ханс Кристиан?.. Да всё едино, я-то ни тот ни другой. Во дворе только деревья да машины. Несколько героически выживших в промышленном мегаполисе карагачей с клёнами да плотно сгрудившиеся между ними на ночёвку автомобили... Деревья и машины?.. Но первые уже охвачены каким-то любителем природы, а вторых я не люблю с детства, даже не мечтал никогда иметь эту не роскошь, а средство передвижения, поэтому и не разбираюсь в них совершенно. Дохлая идея.

Лунищца почти полная, бр-р, холодно то как, всего плюс три – для

первых чисел сентября почти экстрим. Кроме гусиной кожи и озноба ничем не осенило. Быстрей назад, пока вместо вдохновения не схватил каких ни то микробов. Этих даже Франциск из славного города Ассизи братьями не называл. Ну святой-то и не подозревал об этих милых зверушках, а я вот знаю, да не назову, даже в фантастическом рассказе.

Семь обратных торопливых шагов, секундное раздумье перед уже остывшим колченогим стулом, тоскливый взгляд на девственно чистую вордовскую страничку не успевшего погаснуть монитора, ещё четыре шевеления ногами в сторону старого доброго диванчика. Сланцевые тапочки долой. Не всё ли равно, где ждать схождения творческой благодати. А предаваться думам на мягких подушках наперстника многих дум, снов, радостей и несчастий, надеюсь, будет ничуть не хуже, чем за, уже маленько опостылевшим, компьютером, да ещё после балконно-уличной стылости-то.

Сразу кошки набежали. Старая мирно свернулась в ногах, а молодая мечется беспокойно, оттапывая хилую грудь вдоль и поперёк, мявкает чего-то. Консервы открывать не пойду – кормил уже. Ну вот и озабоченная устроилась наконец, оккупировав живот приятной тяжестью своей тёплой пушистости. Про вас, что ли, написать? Порадовать форумских родственниц Матроскина... А на что хватит моей бедной фантазии без живительной ауры вдохновения? На бледные разговоры про рыбку-мясо да фальшивые псевдо-страдания вынужденного к аскетичности основного инстинкта. Да меня закидают виртуальными тапками все кошачьи нашего фэндома и не только они, лучше не искушать судьбу. Ну и тоже занята ниша-то.

Да так ли необходимо участвовать в этом турнире? Вот Гаррич приводил главку из Олдевских «Десяти искушений юного публиканта» о подводных камнях увлечения конкурсами. Очень полезная книжка. Да вот только у Генри Лайонов очень своё представление об этом персонаже. По их мнению, юный публикант – это чел опубликовавший одну-две-три и более книги. Что-то среди наших я таких не наблюдал, или, может, кто хорошо маскируется. Для нас-то форумные ристалища – хороший повод совершенствовать свою графоманию, да ещё и с гарантированной критикой. Без отзывов я бы и участвовать вряд ли стал, рецензии и обсуждение – главный стимул постучать по клавише и инструмент творческого роста. Жаль, что Пересмешник-то и самоустранился от сей нелёгкой миссии.

Или начинающему автору лучше помолчать, когда нечего сказать? Да вот не верю я, что нормальному человеку нечем поделиться с народом. Уж по крайней мере хоть одной-то титанической идеей каждый осенён. И всегда есть возможность попробовать донести её, пропустив через любой конкурс. Вот как наши любители хохло-москальских разборок способны сесть на любимого конька почти в любой теме. У кого что болит, тот о том и заговорит, воспользовавшись мало-мальским поводом. Хм, в армии,

например, с чего бы ни начался разговор: с козлов начальников, политики или космоса, к концу каким-то хитрым траверсом всегда вырывается на женщин. Конечно, фанатиков одной идеи у нас и не наблюдается особо. Все достаточно разносторонние личности. Ну уж в самом крайнем случае стоит попотеть из одного олимпийского принципа: «Главное не победа, а участие».

А уж если вдохновение пришло, все мучения окупятся сторицей. Это сладкое томление где-то внутри, этот приятный зуд нетерпения в кончиках пальцев, это чувство лёгкости в голове, этот поток гениальных (как верится) мыслей, которые вот-вот заструятся на бумагу (монитор) и оставят на ней сияющую бессмертием нетленку. Всех, всех мучений стоят эти редкие, увы, моменты. Какие там наркотики, какое опьянение сравнится с этим. Разве что любовь из этой же когорты божественных безумств. Конечно, потом может оказаться, что и прекрасная дама обычная стервоза, и навалял ты полную фигню. Но это всё потом, после приступа. Тогда и нужно садится и трезвым умом править родившийся текст, исподволь дожидаясь нового прилива творческого экстаза (а вот с прелестницей лучше расстаться навсегда).

Что-то лежание на диване загнало поток сознания совсем в далёкую степь. Прости киса, полежи-ка одна на диванчике – побреду на своё лобное место, попробую ещё раз.

Братья по разуму – братья по разному – братья и сестры – сёстры и братья – сёстры по разному – сёстры по разуму. Забавно, почему говорят только «братья по разуму», а куда же сёстры делись. Опять дискриминация по половому признаку? Вот интересно известны ли в классической литературе нечеловеческие существа исключительно одного пола...

Из мужских только сатиры да кентавры сходу вспомнились, у последних, вроде, точно подруг не было, не зря же они у лапифов женщин похищали. А вот однополые представительницы прекрасного пола?..

Амазонки не прокатывают. А вот sireны вполне подходят и русалки ещё... да как-то не очень приятные персонажи... всё куда-то мужичков заманивали... О! Музы всегда женщины. Вот кого мне сейчас не хватает. Жаль, не сохранился рецепт приманивания муз, может на шоколад... так нет сейчас шоколада. А если просто позвать?

– Муза моя, где ты?

– Да здесь я, давно уже.

Последующее перемещение в пространстве как-то выпало из памяти. Опрокинутый стул да болтающаяся на своём шнуре мышка свидетельствовали о его материальности и поспешности. В голове воцарился новый вид вакуума – полнейший, походя засосав просто творческий. Остальное же тело бросало то в жар, то в холод. По спине, животу и прочим поверхностям испуганного хранилища духа бегали,

разнообразные по крупности и неопределимые по температуре, мурашки. И не мудрено – на дешёвенькой колоночке, справа от монитора, болтая ножками, сидело вызываемое создание... Вопрос-то, признаюсь честно, был чисто риторический – от безысходности. А теперь куда деваться – распишитесь в получении. Может просто мерещится?

С квартирой, порядком захламлённой хрущовкой, вроде, всё нормально. Телевизор на тумбочке, где и был: в углу у балкона. Дверь в спальню закрыта. Диван тоже на месте, кошки проснулись, но спокойны – смотрят на меня вопросительно, гостью то ли не видят, то ли знакомы. Книжные шкафы, шифоньер и прочая, более мелкая, домашняя шелупонь без изменений: в прежнем беспорядке населяет квартиру. Компьютер тихонько гудит под столом. А на колонке, в белом хитоне, ростом с Дюймовочку из старого советского мультика, Она – моя Муза. Явилась на зов.

– А я никуда и не девалась, давно тут сижу, – явно прочитав мои мысли живо откликнулось прекрасное виденье, – решила показаться, раз просишь: может хоть это поможет сдвинуть тебя с мёртвой точки.

Дыхание вроде нашлось, молчать глупо, пришлось выдать:

– Я рад, – голосом выздоравливающего тифозника.

– А коли рад, садись на прежнее место, зачем через всю квартиру-то, не укушу. – И засмеялась, наполнив всё пространство серебряным колокольчиком своего голоса.

Резонно. Глянув в зеркало, на свою ошеломлённую физиономию, словно набираясь решимости для первого шага (трильяз на месте, в коридорчике между прихожей и кухней, куда меня и занесло), походкой бредущего на эшафот двинулся поднимать поверженный стул.

Сел, всё-таки, подальше. Если вдруг диктовать начнёт, всегда успею подвинуться.

– Мы не диктуем – мы вдохновляем, а шедевры уж будьте добры сами творить, – тут же откликнулась Муза.

Похоже не шиза, там голос, вроде, внутри звучит, а тут в самой что ни на есть снаружи, и звонкий такой, задорный. Пора принять эту реальность данную мне в ощущениях. И вполне симпатичная реальность, греческая классика, прям как на картинках рисуют. Вот только маленькая больно.

– По Сеньке и шапка, – ехидно не заржавело за гостьей с Парнаса, – взрастишь талантище побольше, и патронессу дадут посолидней, а то и двух.

– А кто даст? – само собой вырвалось у меня.

– Кому положено, тот и даст. – И уже вполне серьёзно, – Давай договоримся, вопросы смысла жизни, существования Бога и устройства мироздания затрагивать не будем.

– О чём же тогда?

– Вот по теме твоего конкурсного рассказа и пообщаемся.

Хм... да я вроде и не надумал ещё ничего... или уже, только сам об

этом не помню? Какая дребедень у меня там вытанцевалась... сёстры по разуму, что ли? О музах? А что, вроде соответствует. Только я о них и не знаю ничего. Или спросить?

– Вот, вот уже теплее.

Муза вспорхнула на монитор, в руке у неё появилось миниатюрное подобие учительской указки, а ведь вроде только что сжимала под мышкой какой-то лироподобный инструмент явно музыкальной направленности.

Мой милый профессор, между тем, начала свою минилекцию по музоведению, размеренно расхаживая вправо-влево:

– Люди отличаются от животных способностью создавать новое. Каждый человек обладает потенциалом к творчеству, только в разных областях и не в равной мере. Вот, чтобы не дать зарывать эти таланты в землю и существуют музы. Стихийные музы просто поддерживают общий вкус к новизне, этакий творческий зуд. Мы же – специализированные, скажем так, вдохновляем созидателей в своих епархиях, стараемся взрастить даже самые робкие ростки. Нас много, очень много, никак не девять. Клио, Полигимния и прочие – это просто как цеховые имена.

Неожиданно Муза замолчала и, усмехнувшись, добавила:

– На этом и закончим; смотрю глазки заблестели – остальное, если нужно будет и сам подумаешь.

– Погоди, погоди, а что, человек с большими способностями может и не реализовать их? – Почему-то этот вопрос взволновал меня больше всего.

Собеседница горько вздохнула:

– Да сплошь и рядом. Если бы ты знал какая когорта наших бьётся сейчас за потенциального Пушкина... А он со страшной силой кроссворды отгадывает... Ну, не будем о грустном. Ты-то давай поливай свой росток, возвращай древо.

– Да не успею я – срок-то почти истёк, а у меня замыслы долго вызревают.

– Ну, поделись с народом – как ты не написал рассказ. Заодно передай от меня привет конкурсантам, читателям и критикам вашего Фензин Форума, а так же их музам.

– А что, у читателей и критиков тоже есть музы?

– Конечно! У талантливых – обязательно. Да они и сами сродни музам, раз вдохновляют вас творить. Так что вперёд. И помни – я здесь.

Помню! Передаю привет! Пишу. Хоть время, действительно, почти вышло, но, может, Ирина, добрая душа, продлит на денёк.

Золотой горшок

Говоришь, выдумки это всё: домовые, лешие, русалки, призраки всякие – народ от темноты да со страху насочинял? Неужто такие тёмные были наши пращуры? Да от пней лесных шарахаясь и брехали всякие небылицы? А забугорные людюшки про свою нечисть баяли – гномов бородатых да ёльфов всяких. У нас гномов не знали? А Бажовские стары люди кто – одичавшие скоморохи? В горе богатство прятали. И другие хранители им сродни, Хозяйки-ящерки да Посакаушки всякие. Не простой был человек Пал Петрович, ох не простой – к мудрости народной прислушивался, да открыто поведать не мог – сказами прикидывал.

Вот и хакасы старые рассказывали, был тут до нас народ невиданный, с боригенами мирно жили, сильно не толкались, не задирались. А как русским духом запахло, упредили стариков: «Идёт страховитый народ с большими железными топорами, дерева повырубит, зверя повыведет, землю поизроет – не будет вам прежней вольной жизни». И ушли под гору всем гуртом. Там по сю пору и обретаются – тайны свои да богатства берегут. Чем тебе не гномы?

Да и не о том я хотела... То дела всё стародавние... Новые времена – новые нежитики на наши головушки нашлись, не чета прежним. Те-то вроде как свои, когда и помогали... Думаешь чо народ в революцию как с цепи сорвался, совсем с глузду съехал – кровию реками лил? Не знаешь? А что основыположники писали, Карло бородатый с Фридрихэнгельсом? Призрак бродит по Европе – призрак коммунизму! По Европам побродил, а на жительство к нам прописался. У нас и началось... Метакфора? В самоглавном документе, во первых строках? Нет, шалишь! Не простые дядьки были – основыположники, знающие. Кто этого призрака видел? А видели! И не где-то там – за Каменным Поясом, у нас и видели. Вот у меня статейка есть из нашей районки за позатот год, не думай, что я всё из себя сочиняю, почитай пока, а я самоварчик сварганю.

В Западной Хакасии на Широкой Могутке обнаружено затерянное поселение. Почти восемьдесят лет его жители избегали всяческих контактов с цивилизацией.

...Осенью 1918 года отряд красноармейцев, призванных из местных деревень, с боями уходил от колчаковских карателей. С обозом, женами и детьми, он двигался по проселочным дорогам в верховья Томи. Казаки есаула Шустрякова устроили засаду на переправе через Туралыг... Но так и не дождались беглецов.

Они исчезли, будто растворились в тайге. Через два дня выпал снег, и каратели вернулись в Абакан.

И вот в марте этого года научно-исследовательская экспедиция Сибирского отделения Российской академии наук нашла тех, кто почти восемьдесят лет прятался от карателей Колчака. Да, потомки тех

красноармейцев пребывали в полной уверенности, что Колчак победил и на них идет охота.

Рассказывает руководитель экспедиции этнограф профессор Новосибирского университета Иван Васильевич Петкунов:

– Жизнь они свою построили так, как представляли себе коммунистическое будущее крестьяне в начале XX века. Односложно сказать: всё общее. Один длинный дом, один большой котел, один стол. Еда общая – никто не имеет права унести свой кусок и съесть его отдельно. Только охотникам, уходящим на несколько дней, выдается сухой паёк: коренья, сушёные ягоды, кедровые орехи, мешочек сухарей, кусок копчёного мяса.

Жены тоже общие. Вернее, брака как такового нет. Мужчина, которому приглянулась женщина, подходит и говорит: "Нашему отряду нужны новые бойцы". Если она согласна, то никаких проблем. Если нет – начинается долгая процедура ухаживания...

Дети тоже общие, а поэтому фамилий в общине нет. Только имя. Чаше других – Карл, Фридрих, Владимир, Лев, Роза, Клара – в честь Маркса, Энгельса, Ленина, Троцкого, Люксембург и Цеткин. Плюс к нему прозвище – Карл Ловкий, Роза Кудлатая, Лев Косоглазый и т.д.

Несмотря на близкородственное скрещивание, эти люди отличаются крепким здоровьем. Они фактически ничем не болеют. К сожалению, их иммунная система оказалась неготовой к контакту с цивилизацией – с нашим приходом на них обрушились грипп, скарлатина, ветрянка, краснуха, свинка, чумка и т.д. Очень печально!

Удивил один из предметов обихода. Среди глиняной и кожаной посуды – ночной горшок из чистого золота. Килограммов на сто. В начале века здесь были прииски – американская концессия. Шахта осталась, и красноармейцы, один из которых где-то прочитал, что при коммунизме из золота будут делать ночные горшки, добыли золото по крупницам и отлили ночную вазу. Показывая на нее, они с гордостью говорят: "Мы живём при коммунизме".

Следующая экспедиция, включающая психологов, генетиков, историков и этнографов, пойдет на Широкую Могутку в начале июня.

Прочитал? Про призрак ни слова? Чудак-человек, кто же про такое в газете пропечатает. Профессор всё по научности расписал. А я сама с последним из этих... золотогоршечников виделася, перед самой его смертушкой... Сгубил микроб всё племя, никого из сердешных в живых не оставил, успели только свой коммунизм – свой золотой толчок спрятать... Научники одного этого, последнего – Карла Ловкого к нам в больницу и привезли, вон в ту палату угловую. Ночью он как-то и запокрикивал, просил уточку ему вынести, я и вынесла. Не золотая утка – обнаковенная, а какое облегчение человеку, исстрадался бедный. Вот тогда он мне про призрак и рассказал.

Как раз перед переправой на Туралыге он их и встретил. Стой, орёт, передовой отряд коммунизму, пивонеры новой еры. А сам косяя сажень, ростом с полсосны, шинелища до пят, на будёновке звездища так рубином и полыхает. Засада – кричит – впереди, и ерхонской трубой – айда за мной, построим светлое будущее всего человечества на откупно взятом наделе!! И отвёл в потайную долину на Широкой Могутке – еле дошли, половина кур подохла, скотинка какая пала, но добрели, а обратную дорогу искать позареклись.

А жили, Ловкий говорил, неплохо: дружно, мирно, не голодовали шибко – ну что в твоём Едеме. Так бы и дальше жили – не тужили, да наука налетела и... ага, кукукнулись все, даже вазона золотого не осталось.

Куда горшок дели не знаю. Мне не открылся последний из могутян.

Не веришь бабьим сказкам?.. Не навучно гришь? А в барабашков верить навучно... в зелёных оглоедов из летучей плошки? Может, канеш, то и не самоглавный призрак был, а так – наподхватный, гланюки у нас завсегда в Маскве отираются... Но вот в газетке же пропечатано и живой свидетель был... пока не помер.

Ну и чо такого – газетка за первое апреля, можа чтоб народ не стращать, да не смущать. Есть многое на свете друг Григорий, чо и не снилось вашим мудрецам. Давай-ка лучьше чайку с баданчиком, да с медком.

Исповедь графомана

Пользы для смертных от пенного пива

Меньше, чем многие мнят;

Чем больше ты выпьешь, тем меньше ты можешь

Собственным духом владеть.

(«Старшая Эдда» Речи Высокого)

Слушайте, пииты и прозаеки, почитал я ваш форумок, этот тупичок непризнанных гениев и недорезанных талантов, любителей порассуждать о великом, добром и вечном. Окинул одним глазом ваши бессмертные шьдевыры и перемывание косточек злобных крытегов. Заценил ваши смешные потуги погутарить о судьбах высокой литературы и слонимоськовские статьи о мэтрах словесности... и... нашёл на меня странный стих поделится наболевшим, излить, так сказать, душу, предостеречь от этой тропинки собратьев по несчастью.

Внемлите жгучему глаголу старого графомана с большой буквы Г, ибо тёмную сторону силы чую я во многих из вас: зависть, тёмная, поросшая змеями Медузы Горгоны зависть выглядывает из-за плеч ваших, сочась ядом злобы и ненависти и задыхаясь от собственного бессилия и творческой импотенции...

Право имею вещать я об этом,
Скорбный сей путь до конца одолев.

Был молодым я когда-то, подающим надежды в плетеньи словес, но трудиться усердно, талант кропотливо лелея не сдюжил, гордо достигшим высот возомнил себя. Тщетно славой толкаем на постамент самомнения сам я себя и воздвиг... о нет... опять рецидив и симптом, попробую без растеканий и завихрений...

В общем, пописывал в меру сил, а штудии свои мало-помалу стал считать гениальными, отсутствие же признания списывал на происки более удачливых завистников и, сам не заметив как, пропитался этой самой завистью, к попадавшим в тираж счастливицам, по самую маковку.

В это же время, на волне наступившей после перестройки свободы совести и всяческих исповеданий, увлекло меня язычество. Не наше: самодельно-фольклёрное или по откровениям непонятно из какой дыры на лыжах выруливших волхвов, а настоящее, исторически достоверное – германо-скандинавское. Всяческими правдами-неправдами нашёл единомышленников, таких же ушибленных, но горящих неподдельным энтузиазмом. Запоем штудировали: обе Эдды, песнь о Нибелунгах, Беовульф, саги, да всё, что смогли достать, руны заучивали, как первоклашки алфавит. Списались с ребятами в Скандинавии и Прибалтике, благо с языками у кое-кого из наших было всё почти так же олл райт, как у Шампольона.

И ведь поверил во всё это, несмотря на тяжёлое советское прошлое, а может благодаря... парадоксы сознания – тёмный лес.

Особенно вдохновила меня легенда про мёд поэзии, и запала мыслишка выпросить у Высокого хоть глоточек. Зрела эта идея, зрела, и в один, далеко не прекрасный момент – прорвалась, как перезревший чирей: с лихорадочностью больного диареей, спешащего сами понимаете куда, кинулся реализовывать: оформил визу – международные связи, как никак, наскреб по сусекам минимальную сумму в денежных знаках, имеющих хождение за пределами отчизны, запасся картами и отбыл в сторону острова Одина – Оденсхольма.

Судьбоносный день выдался ненастным. Друзья, втайне доставившие меня на этот, заповедный ныне клочок суши, попытались ещё раз отговорить – куда там.

Оставшись в одиночестве, нашёл уединённый мысочек на берегу, до вечера выкладывал из камней круг и руны, умолчу какие, и прихлёбывал из фляжки напиток, состав также скрою за кадром. К полной темноте развёл три костра и начал recитировать гимн, словами которого с вами опять же не поделюсь, не из жадности, а дабы избежать соблазна слабых сердцем.

Небо разразилось нешуточной грозой; перекрывая завывания ветра строфы приходилось реветь раненой белугой. Впав в неистовство

берсерка во вспышках чудовищных молний, бичующих море как ленивого вола, заметил я приближающегося старца. Отец Асов снизошёл до меня в образе путника: синий плащ развевался на ветру, войлочная шапочка, два чёрных ворона на плечах взмахивали крыльями при особенно сильных порывах. Подойдя, Великий Один, опираясь на копье-посох, левой рукой протянул мне кованую чашу с вожделенным мёдом:

– Пей, смертный, мерой да будет мудрость твоя.

Трясушимися руками схватив чашу и забыв об осторожности, я осушил её до дна, неотрывно глядя на Мудрейшего из богов.

С каждым глотком облик его менялся: лицо вытянулось и похудело, исчезла борода, огненно-рыжие волосы опустились ниже плеч, из-под них выглянули заострённые, такие сейчас рисуют у эльфов, уши. С ужасом я узнал коварного Локи. Страшно хохоча, он выкрикнул мне страшный приговор:

– Жадный глупец! Мог ли Отец Богов наградить священным мёдом завистника. Достался тебе отстой рифмоплётов. Знаешь о нём? Ненасытностью же своей меру отмерил страданиям ты!

Выронив чашу, с ужасом схватился я за голову: «бурда графомании», так могли бы назвать теперь эту часть мёда, извергнутую на землю Одиным через задний проход, когда в виде орла уносил он напиток вдохновения, украденный у великанов.

Но всех последствий я тогда и представить не мог.

Первый приступ настиг меня уже по дороге на родину: исписал все случившиеся у меня блокноты, тетрадки и салфетки малохудожественной ерундой.

Дальше больше: всё свободное время стало улетать в бездонную трубу графомании. А ведь нужно было сии творения ещё и кому-то поведать. Жена сбежала через месяц, родные и знакомые перестали заходить вовсе и меня к себе в гости пускать тоже. С работы «ушли» меня через полгода.

Интернет очень выручил: зарегистрировавшись на куче литературных сайтов под разными никами строчу теперь прямо в сети, не утруждаясь черновиками. Устроился ночным сторожем в контору, где есть доступ к паутине. Деньжат поднакоплю и куплю себе дешёвенький нетбук, чтобы и в пути не терять время. Не могу не творить, неудержимый огонь бурлит внутри и требует выплеска наружу в виде стихов, поэм, романов, статей, эссе и... сообщений на форумах...

Так-то братцы-кролики... Сказка ложь... но на ус мотайте.

Ох, тяжела ты...

*Своя ноша не тянет...
На чужой каравай...
Семь раз отмерь...
Не зная броду...
Свой крест неси...
(Народные мудрости)*

Каждому, я думаю, случалось, читая книгу, досадовать на автора, развивающего сюжет в разрез нашим ожиданиям или предпочтениям. У меня же этот критиканский зуд вроде аллергии почти на любую книгу.

С молоком матери всосал я эту заразу, что ли? Постоянно пилила она отца: что бы тот ни сделал. Всегда ей казалось – вот уж она-то точно знает, как всё должно быть.

Пусть ещё сам мог бы связать толком хоть пяток строк, так нет же, пробовал я – такая убогость выходит: не медведь, а целый слон наступил мне на то место, которое отвечает за литературное творчество. Хм... на руку что ли или прямо на голову?

Ладно бы только с книгами, простительная слабость, да и писатели в большинстве не без греха, но этот же подход стал проявляться у меня и к людям, а иногда и... к Творцу.

Всё чаще стали мелькать мысли о неправильном устройстве мира и даже: «Вот был бы я Создателем – я бы...»

В один из таких моментов я и встретил его – Бога.

И не узнал...

Да и как узнать-то, я же с Ним никаким боком... то есть ни сном ни духом... в общем, никогда и нигде раньше не сталкивался...

– Кто ты? – спросил я, пытаясь заслониться рукой от света, лучащегося с его лица. Рука ощутила ласковое тепло: согревающее, но не обжигающее.

– Я – Господь Бог твой, – не столько грозно, сколько задорно прозвучал Его голос. – Да кому ты такой ещё нужен, кроме Меня.

– Ух ты! – обрадовался я радостью ребёнка, встретившего Деда Мороза с мешком подарков, – и Ты, правда, всё можешь?

Купаясь в лучах Его доброты и заботы, я не испытывал ни капли страха. Ну не чувствовал я себя рабом, скорее дитём, или даже внуком Божьим.

– Конечно! – на этот раз голос прозвучал удивительно молодо, как будто принадлежал товарищу по играм, предлагающему немного пошалить.

И у меня как-то само собой вырвалось:

– А можешь сделать меня Богом?

Вот честно, честно хотел ведь спросить: «как Бог», да само собой вырвалось вот так.

– Ты, действительно, этого хочешь?

Мне показалось или Он на самом деле обрадовался? Но задумываться не хотелось, и губы сами выдохнули:

–Да.

И стал я Вседержителем.

Атлант, может, тоже обрадовался, когда ему на плечи взгромодили небесный свод, но... только в первый момент. «Вот какой я крутой, – мог бы подумать он, – держу звёздные сферы», ну и прочую дурь, в стиле песенки «Атланты держат небо на каменных плечах», да только, я уверен – такие мысли выветрились у него очень быстро.

Вот и у меня сначала дух захватило, когда почувствовал в своей воле все эти кометы, планеты, звёзды и галактики: захочу сейчас и зажгу сверхновую, столкну Магеллановы облака или устрою новый большой взрыв...

Но слава... хм... Мне (я же теперь Бог), никакой глупости делать не стал, уж больно быстро устал (рифма, однако): слишком утомительно оказалось держать во внимании всю эту бесконечность Вселенной.

И положился я на законы космической механики: не зря же мой предшественник их придумал, умный был чел... то есть Бог.

И биологию не зря придумал: ну где же тут уследить за всеми этими микробами, бактериями, растениями, насекомыми и животными.

А вот с разумными этот трюк не сработал: какой же уважающий себя гуманоид будет добровольно исполнять закон... А ведь есть же ещё и негуманоиды, и энергоиды, и каменоиды, и... ещё богегознаеткаоиды (или теперь яегознаеткаоиды, да ведь я-то и не знаю... тьфу, совсем запутался).

Мать моя женщина! Вот влип... одного человечества несколько миллиардов.

Представляете себе: семь миллиардов микрокосмосов со своими нуждами, чувствами, требованиями, ожиданиями и стремлениями.

И вот ужас, ужас, почти всем от меня что-то нужно: они шепчут, говорят, кричат или просто думают об этом в своих молитвах, мыслях и требованиях.

Ну какой нормальный выдержит этот ниагарский галдёж, а ещё предполагается на это всё и реагировать как-то.

Я вот раньше и двух бубнящих не мог долго выносить, а тут такое...

Я терпел, терпел... куда же деваться от этого всеведения, какой болван раньше думал, что читать мысли это классно... терпел, терпел, терпел... целых, показавшихся мне вечностью, пять секунд терпел, и, не выдержав, возопил:

– Господи!!! Забери обратно всё это всемогущество, не нужно мне никакой вездесущности! Господи!!! Верни всё назад!

И... ничего, только беспредельность пространства ответила мне гулким эхом:

...Осподии... поди... зад... ад...

Ну правильно: я же теперь и есть этот самый осподи, поди теперь кому пожалуйся.

Только было моё вездесущество собралось впасть во вселенскую скорбь, да вовремя сообразило, что всемогущество-то всё ещё при нём – нужно только приказать, и оно изрекло:

– Хочу, чтобы всё стало как раньше! – А на всякий случай добавило: – навсегда!

И вернулось всё на круги своя.

Ура!! Здорово! Спасибо мне (или теперь уже и не мне). Какое счастье: отвечать только за себя, ну ещё за семью, да ещё за работу, совсем немного за город и ещё меньше за народ и страну.

Как же это классно: жить обычной жизнью с нормальными человеческими радостями и – увы – неизбежными, но, опять же человеческими печальями.

А к писателям у меня теперь претензий нет: как хотели и могли, так и написали, я вот, тоже, нацарапал свой рассказ как сумел. Не судите очень строго. А я вам за это один секрет открою, за миг всеведения я узнал: конца света ни в 2012, ни в ближайшие годы не будет – живите и радуйтесь, плодитесь и размножайтесь.

Олегархические страсти

– Чёрт!!! Чёрт!! ...Твою мать!! Вот же гадство!

Мобильник, наворочанный по самые гланды, полетел в зеркало. Стекло какого-то ...надцатого века, застыв от ужаса в аляповатой золотой раме, выдержало, а вот телефончик осыпался на подзеркальный столик дождиком составляющих деталей.

Испытав секундное облегчение от спонтанного акта бытового вандализма, один из богатейших олигархов России, ради соблюдения тайны личности назовём его Олег Арх, схватил свой ноутбук и запустил. Такого посыла зеркало, отражавшее когда-то одного из Людовиков, уже не выдержало и возмущённо разлетелось множеством осколков. Та же вдребезговая участь постигла метровую вазу китайской династии Мин, разбитую двуручником времён Меровингов. Вообще, этот тяжёлый меч оказался очень полезен в деле наведения хаоса в личных апартаментах миллиардера.

Но никаким буйством уже не отменить неизбежного: диагноз подтвердился – жить осталось несколько месяцев. Это обречённый олигарх понимал с такой же ясностью и через десять минут, обозревая полный разгром комнаты.

«И даже участь Раисы Горбачёвой мне не грозит: её-то народ простил и даже как-то полюбил после смерти», – неизвестно откуда всплыла

мысль, странная для человека, никогда прежде особо не интересовавшимся людским мнением.

Тут же тяжёлым камнем, гранитной глыбой рухнуло понимание: «вот и всё... Больше ничего не будет... как ни трепыхайся... Можно, конечно, залечь в клиники, в тщетной надежде протянуть ещё немного, или отправиться в поход по шарлатанам... или по кабакам – пропивать миллиарды... в религию вот вдариться самое время, на случай если ТАМ что-то есть... Но всё пустое – самое страшное он уже узнал...». Так думал Олег Арх и... ошибался.

Этой же ночью посетило его видение, по яркости, чёткости и достоверности не похожее на простой сон.

Увиделась ему колоссальная воронка из тёмной материи, вот как если бы взять самые чёрные грозовые тучи, уплотнить неимоверно и закрутить гигантской спиралью. Несмотря на отсутствие поясняющих надписей, вроде: «оставь надежду всяк сюда входящий», парящий олигарх откуда-то чётко знал, что этот ужасный вихрь – сама преисподняя, засасывающая его со страшной силой. Какие-то смутные тени подталкивали страдальца в спину, ускоряя и так не медленное падение. Очень помогли низвержению в бездну и множество камней, размером от мелкой гальки до крупного булыжника, привязанных к поясу серыми, чуть видимыми нитями. Больше же всего было мелких капелек, тяжёлых как застывший свинец.

С таким балластом прибытие не заставило себя долго ждать. Вблизи стала заметна и слоистая структура этого ада.

Первый уровень, где какие-то смутные тени просто блуждали во мгле, свежеприбывший грешник миновал со свистом. И хотя несколько мелких камней тут и осталось, на скорость это сильно не повлияло.

Следующий этаж, где некие нечестивцы были подвешены к железным деревьям за руки, языки, гениталии и прочие части тела, тоже забрал часть камней. Но призрачные гонители всё так же подталкивали свою жертву, и свинцовые капельки не отставли.

Уже стал виден третий уровень с кроваво-огненной рекой, в которую страдальцы были погружены: кто стопами, кто по пояс, кто по шею, а некоторые и с головой, но тут адский пламень, опаливший низверженного олигарха, слишком сильно отдался болью в старом шраме от детского ожога. Сновидец задёргался и... проснулся, так и не узнав, сколько у пекла этажей и где ему самому приготовлено тёплое местечко.

Вскочив с огромной кровати, принадлежавшей кому-то из королей, и чуть не запутавшись в роскошном балдахине, олигарх забегал по спальне, цепляя всё на своём пути и отбрыкиваясь от любимой собаки, вздумавшей было поиграть. Смятение его было даже сильнее, чем во времена глубокой молодости, когда пришёл его черёд осознать свою личную смертность.

«Это сон, всего лишь сон, просто сон», – как заклинание в смятении шептал Олег Арх. Но «просто сны» он никогда не помнил, а каждое мгновение этого видения стояло перед глазами ничуть не тускнея и шрам саднил, как свежееобожжённый до самого вечера.

Горя желанием разобраться с этим мрачным видением, наш страдалец, озабоченный уже больше своей потусторонней судьбой, метнулся к астрологам, гадалкам и прочим умельцам, собирающим урожай на ниве таинственного и мистического. Не найдя в этой мутной среде единомыслия, добрался и до православия.

Тут, передаваемый из рук в руки церковными иерархами, получил он наконец адресок служения прозорливого монаха, с заверениями, что, хоть отец Агафангел немного чудной и со странностями, но истинный старец, а не какой-то там скороспелый младостарчик, прельщающий себя и христианский люд.

Снарядив быстро личный самолёт почти на край земли, ибо обитал достославный отче от столиц вдалеке, а на месте приобретаемые подходящие колёса повышенной проходимости для себя и охраны, покати́л наш олигарх в глухую Тьмутаракань.

А как прикатил, так и сел... нет, не в лужу – в очередь. Нравный оказался старец: «На общих основания, в порядке живой очереди, и чтобы лично».

И олигарх, с лёгкостью получавший персональные аудиенции у патриарха, папы и далай-ламы, смирился: отослав охрану, чтоб не отсвечивала, лично сел в очередь. И немалую, надо сказать: пользовался отец Агафангел большой любовью российского люда.

За время своего сидения в народе, узнал наш олигарх, хозяин жизни, о нуждах и чаяниях этого самого простого народа много больше, чем за все последние годы.

Но всё заканчивается, подошла и его очередь.

Ожидал Олег Арх увидеть сурового, измождённого постами монаха, пронизывающего каждого входящего огненным взором, и ошибся. Был отец Агафангел неширок в кости, невелик ростом, да и вообще невелик, невозвеличен – очень доступен, с мягкими чертами лица, обрамлёнными лёгкими, будто пуховыми волосами бороды и шевелюры, создающими впечатление невесомого ореола.

– Что, радость моя, собрался в последний путь, а визы не в те края оказались оформлены?

– Так, святой отец, – опешив от прозорливости старца, после длительной паузы выдавил из себя Олег Арх. – Здравствуйте.

– И тебе Бог в помощь, только святые отцы на небе, да ещё в Риме, а мы тут все люди грешные. Ну, садись – рассказывай.

Олег Арх сел и рассказал.

– Что же ты, радость моя, хочешь от нашей нищеты?

– Узнать, кто те тени, которые толкали меня в спину, что за камни и капли тянули вниз и что мне теперь делать?

– Вопрос Чернышевского пока оставим, а с гонителями и бульжниками давай разберёмся, – старец нахмурил брови, собираясь с мыслями. – За свою многотрудную и многолетнюю битву в «царя горы» довелось тебе, радость моя, поспособствовать нескольким людям покинуть эту юдоль вздыханий и слёз... не важно своими руками или нет... самоубивцы опять же... доведённые. Вот их тени это и были.

Отец Агафангел посидел немного пригорюнившись и чуть пожевав губами продолжил:

– Камушки – это проклятия безвинно обездоленных тобой людей, а свинцовые капельки – слёзы детей, лишённых тобой чего-то очень важного и тяжестью своей влекущие тебя очень, очень глубоко. Не случалось ли тебе, радость моя, спалить некий дом детства?

– Детский дом? Да вроде нет.

– Не обязательно детский дом, любое место, где собирались дети.

Олег Арх задумался и, погружившись в прошлое, вспомнил, как на заре богатства очень хотел поставить свой банк в центре родного городка, но мест свободных не было. И уж очень удачно стоял ветхий деревянный дворец творчества детей и юношества имени Крупской. Проще и быстрее всего оказалось выжить оттуда директора-энтузиаста, пристроить своего человека, который однажды тёмной ночью и спалил подшефный домик. Занять освободившуюся землю оказалось парой пустяков.

– Ну вижу вспомнил, – посмурнел старец. – Вот это твой чуть ли не самый тяжкий грех. Как там у Достоевского о единой слезинке ребёнка?

– Но я же и помогал много, спасал, наверно, даже, на благотворительность жертвовал. Где же всё это?

– Никуда твои добрые дела не делись, радость моя, просто они уничтожили часть дурных, аннигилировали, так сказать, а сухой остаток ты и лицезрел.

Олег Арх попробовал успокоиться и, собрав разбегающиеся мысли в кучку, как-то осмыслить услышанное. После длительной паузы, чтобы прервать тягостную тишину, он спросил первое пришедшее в голову:

– А до каких же слоёв мне пришлось бы падать и чем провинились люди в железном лесу и огненной реке?

– Вот тут ты, мил человек, совсем не в ту степь заехал: баловство это всё и пустое любопытство. Ты не Дант и я не Вергилий. Господь приоткрыл завесу таким образом, чтобы ты понял, как плохи твои дела. И вполне преуспел в этом. Но раз Он так снизошёл к твоей мерзости, видимо, питает надежду исправить хоть нечто. Так что, раз с вопросом «кто виноват» всё ясно, самое время перейти к «что делать».

– И что же делать? Может завещать всё церкви?

– Церковь тебе, конечно, большое спасибо скажет, – усмехнулся отец Агафангел, став на один миг похож на короля-Леонова из

«Обыкновенного чуда» – да вот только Господь Бог взяток-то не берёт. Это всё от человека.

– И как быть? Обидно как-то, ведь всё теперь достанется тем, кто и сейчас пользуется плодами моих трудов, получается: я грешил, а они в рай въедут.

– Куда они въедут – это только Всевышнему известно. А вот резоны в твоих словах есть: раз плодами твоих грехов столь многие пользуются, то попробуй и ответственность с ними разделить.

– Как это?

– А вот так, уговори их хоть малую часть твоих грехов взять на себя, хоть сотую – больше Господь не попустит. Ну, а если не найдёшь ста человек, Радость моя, приходи опять, будем дальше думать что и как, так и быть приму без очереди: дело у тебя о жизни и смерти идёт. Ступай теперь с Богом, время у всех дорого, а у тебя в особинку.

Первый блин в деле отбеливания пожизненного досье в глазах высшего судии выпекся у олигарха комом: самая содержательная фраза разговора с последней женой, затеянного Олегом сразу после возвращения из аэропорта, звучала:

– Ну, пупсик, я не понимаю, о чём ты: этого же нет в брачном договоре.

Глядя в огромные синие глаза бывшей фотомодели, блондинки ноги-от-ушей, Олег собрался было ещё что-то сказать, но не найдя подходящих слов, плюнул на разлэгшуюся посреди будуара шкуру белого медведя и вышел.

Этой же ночью ему приснилось табло, как на футбольном стадионе, с высвеченной огоньками надписью: «Олег Арх – 100%».

На следующий день в кабинете олигарха состоялась встреча со всеми совершеннолетними детьми, срочно вызванными пред отцовы очи с разных заграниц, столиц и филиалов. Довольно многочисленные Архноиды, прижитые им за долгую биографию от разных женщин, оказались куда сообразительнее, и суть дела просекли быстро, да и не мудрено: во всех, во всех его личные гены.

Тем более обескуражили отца их ответы:

– Это может помешать карьере.

– Мой бизнес сейчас на опасном повороте.

– Я ещё не устроила свою личную жизнь.

– Боюсь, такой казус помешает мне успешно закончить Оксфорд.

И другие в том же духе. Только самая молодая, из допущенных, дочь Элеонора обещала подумать.

Но итог на табло высветился прежний: «Олег Арх – 100%».

Следующий день олигарх провёл в ожидании созданного расширенного совета директоров и собрания главных акционеров его финансово-промышленной империи.

Ночь же принесла сюрприз: «Олег Арх – 99%; мама – 1%».

«Кто же матери проболтался, – раздражённо подумал олигарх, пробудившись. – У неё же здоровье ни к чёрту. Кто-то из отпрысков, не иначе, вот трепло решётчатое».

Ни совет директоров, ни собрание акционеров не внесли изменений в показания ночного табло.

Зато совсем неожиданный сюрприз случился в ночь после встречи с активистами благотворительных фондов, в чьи кассы олигарх жертвовал в своё время немалые суммы и от которых ждал хоть какого-то результата:

«Олег Арх – 98%;

Мама – 1%;

Лена Фёдорова – 1%».

Вот от кого он ничего не ожидал, да, если честно, о ком и не вспоминал вовсе, так это от своей первой – ещё студенческой – жены, оставленной им на самой заре богатения.

«Конечно, это мама похлопотала, – с теплотой подумал Олег Арх. – Кто же ещё мог вспомнить об этой клуше».

Но в любом случае итог всех душеспасательных работ получился неутешительным, надежда осталась только на новую встречу с отцом Агафангелом.

Старец встретил возвращение блудного олигарха как само собой разумеющееся явление:

– Иначе и быть не могло, радость моя, каждый сам за свои грехи ответит, на других не переложит. – И широко перекрестившись, истово добавил: – Чудо, истинное чудо ещё, и промысел Божий, в том, что нашлось две любящие души, отмолившие у Богоматери часть твоих прегрешений: зачтётся им на суде. Бог сам есть любовь и не мог Он не услышать эти любящие сердца.

– Но мне-то что теперь делать?!!

– О, у тебя масса возможностей.

– Например?

– Ну, например, раскаяться в грехах и попробовать исправить их последствия

– Но как? Как?! – в отчаянии простонал Олег Арх. – Людей не воскресишь, дети те давно выросли...

– Ну, радость моя, тех – да, не воскресить, а сколько сейчас народу погибает, спаси их, и лично, лично, заглянув в глаза, а не через какие-то там фонды и миссии, вот тогда Судия может и тебя помилует. А детей сколько сейчас пропадает, болтаясь по улицам и не зная куда себя деть: построй новый храм детства, найди энтузиастов-наставников. Да сам пораскинь мозгами – у тебя же ума палата, а под лежащий камень и вода не течёт.

После долгого и тяжёлого раздумья, стараясь не смотреть в глаза

старцу, Олег Арх смущённо спросил:

– А какие ещё у меня возможности, отче, вы же сказали – их масса?

– Масса, радость моя, масса: вторая – не верить сну, помереть атеистом.

– А есть и третья?

– При желании и двадцать третья найдётся. Так что третья, конечно, тоже имеется – хитрая такая возможность.

– Какая?

– Покреститься перед самой смертью, смыть, так сказать, все грехи в последний момент. Ты, я вижу, у нас до сих пор не крещённый, так что можешь пойти по стопам императора Константина, он вот окрестился перед смертью, и церковь за заслуги перед верой признала его святым и даже равным апостолам.

– А Бог?

– А Бог промолчал – его не спрашивали, вот встретишься с ним, можешь узнать. Так что ты, радость моя, теперь как богатырь на перепутье перед камнем: налево пойдёшь – душу потеряешь; направо пойдёшь – может, проскользнешь; а прямо пойдёшь много трудов примешь, глядишь Спаситель тебе и дней добавит, чтобы побольше сделать успел. Вот теперь иди и делай свой свободный выбор... Покреститься только в любом случае не забудь.

Паллада и Прометей

"Всё врут календари"

Звук горна весело взметнулся к потолку и наполнил весь спортзал.

– Дружина, равняйся, смирно!

Отряды, стоящие вдоль трёх стен, подровняли линию строя и замерли в ожидании рапорта. Высокий загорелый мальчик, совсем по-взрослому нахмурив брови, окинул взглядом ряды белых рубашек, синих пилоток и красных галстуков. Видимо, оставшись доволен произведённым осмотром, строгий командир повернулся через левое плечо и красивым строевым шагом, чётко фиксируя повороты, направился к молодой женщине, стоящей точно посередине зала. Идеально отутюженная форма плотно облегла её стройную фигуру, отлично подчёркивая далеко не девичьи бёдра и грудь.

Салют. Ответный салют.

– Товарищ старшая пионерская вожатая! Пионерская дружина имени Прометея к сбору, посвящённому приёму в свои ряды новых юных ленинцев, построена. Председатель совета дружины Гавриленко Антон.

– Дружина! Равнение на знамя! – Лицо наставницы подрастающей комсомольской смены как будто изваяно лучшим греческим скульптором по образцу олимпийской богини, взбреди той в головку надеть чуть

набекрень пилотку и приветствовать смертных пионерским ритуальным жестом.

Кем-был-кем-был-ю-ный-ба-ра-бань-щик – как будто выговаривая слова, задробили по туго натянутой коже деревянные палочки. В такт их отрывистому ритму над головами поплыл алый флаг с золотом тиснёным профилем "вечно живого" дедушки. Торжественно-замедленно шагали знаменосец с двумя ассистентками. Их революционно-кровавого цвета пилотки и широкие ленты через плечо словно подчёркивали важность момента.

– Вольно! – скомандовала пионервожатая небожительница, дождавшись окончания церемонии вноса знамени. Красногалстучные ряды немного расслабились. – В этот торжественный день мы рады приветствовать на нашем сборе почётных гостей – ветеранов пожарных частей нашего города.

До этого маявшиися где-то у окна, за спиной фигурастой командирши, представители очень старшего поколения выдвинулись на передний план, стараясь незаметно утереть пот, предательскими струйками пробивавшийся из-под касок, позаимствованных, видно, из музея огнеборческого управления. Плохо начищенная медь в сочетании с обыкновенными, пусть и несколько мешковатыми, костюмами выглядела несколько нелепо. Но участники действия, поглощённые торжественностью момента, старались не замечать – или и правда не замечали – возникшего диссонанса.

– Мы поручаем им важную миссию – повязать галстуки нашему новому пионерскому пополнению.

Подчиняясь её жесту, председатель Антон вывел к центру спортивной арены нестройно прошагавший рядок совсем юных мальчиков и девочек.

– Но сначала каждый из вас даст торжественное обещание пионера Советского Союза.

– Я, Романова Юлия, вступая в ряды... – старательно запищала первая пигалица.

Помимо воли уже, в сущности, не очень молодой пионервожатой вспомнилось собственное вступление в ряды... как отчаянно стеснялась своего редчайшего (ох, папа, папа – старый грекоман) имени – Паллада...

– ...Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина... – между тем уже старался басить следующий паренёк.

Как с молодым энтузиазмом погрузилась в построение светлого будущего: член совета дружины, председатель, комитет комсомола, учёба, вступление в партию, возвращение в родную школу – бросили, так сказать, на знакомую до боли дружину имени Прометей...

– ...Перед лицом своих товарищей торжественно обещаю: горячо любить и беречь свою Родину... – от старания пучила глаза другая девчушка...

За заботами о «прекрасном далёко» как-то мимо прошли

свойственные молодости волнения: охи-ахи при луне, парни, свидания, встречи-расставания, даже в пионерлагерях никаких романтических приключений – наверно, настолько правильной казалась всем окружающим представителям сильного пола, да, в сущности, такой и была.

– ...Жить, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия, как требуют законы пионеров Советского Союза.

И годы, годы: линейки, сборы, съезды, доклады... Всё свободное время – ребятам... Из книг: классики марксизма-ленинизма, методички идеологического воспитания молодёжи, мэтры соцреализма. И только ночью, перед сном – для отдохновения – любимые "Легенды и мифы Древней Греции" – твоих рук дело, папа. Отсюда, наверно, и идеал мужчины – Прометей, этакий борец за дело освобождения всех трудящихся с древнейших времён, ещё и дружина его имени. А где они, современные прометеи... а уже за тридцать... и всё одна... при таких-то внешности и фигуре – даже не целованная.

Быстрая рука смахнула большую слезу, скатившуюся по монументально-одухотворённому лицу.

– Повязать галстуки, – предательски дрогнул голос.

Подождав, пока неумелые руки ветеранов, с помощью членов совета дружины, справятся с непривычной задачей, вожатая обратилась к "племени младому" с напутственной речью:

– Дорогие ребята! В этот знаменательный день вы влились в дружные ряды советской пионерии. Так несите же с честью это высокое звание. Соблюдайте все законы пионеров Советского Союза. Как повяжешь галстук – береги его, он ведь с красным знаменем – цвета одного! А ещё он одного цвета с тем огнём, огнём знания, борьбы с тиранией, огнём стремления к свободе, который принёс угнетённым людям Прометей – первый в списке революционеров всех времён, имя которого носит наша славная дружина. Ещё Карл Маркс – основоположник коммунизма – за его подвиг и слова: "Знай хорошо, что я б не променял своих скорбей на рабское служенье. Мне лучше быть прикованным к скале, чем верным быть прислужником Зевеса", назвал Прометея самым благородным героем и мучеником философского календаря.

Лицо говорившей сияло столь пламенным воодушевлением, грудь так высоко вздымалась при каждом вдохе, а вся грациозная фигура так подалась вперёд, что, казалось, – будь возможность – она рванётся без оглядки и разрешит приковать себя нагой вместе, или, лучше, вместо мятежного титана.

Стук выпавшей из рук барабанщика палочки в наступившей тишине прозвучал как звон пожарного колокола. Немного придя в себя, не в меру пылкая поклонница дружинного покровителя вскинула изящную руку в пионерском салюте и закончила обязательным призывом:

– Пионеры! К борьбе за дело Коммунистической партии Советского

Союза будьте готовы!

Дружный порыв юных ленинцев в ответном жесте увлѣк и некоторых ветеранов. Весь зал разноголосно-слитным хором грянул:

– Всегда готовы!!!

В этот момент лицо молодѣжной богини мраморно побледнело, рука резко упала под левую грудь, тело пошатнулось и рухнуло бы, не окажись рядом бравого пожарного. Не подвела реакция бывшего отличника боевой-политической подготовки, и он неожиданно-негаданно получил в свои объятия, прижав к немолодой груди, эталон олимпийской красоты. Упавшая от резкого движения медная, без ремешка, каска, звеня и подпрыгивая, покатила в сторону.

* * *

Падение в пугающую чернотой пустоту... холод... тишина... Крошечные вспышки света, скручивающиеся постепенно в тѣмный, с проблесками, тоннель, уходящий куда-то в неизведанное... Наплывающие время от времени бледные картинки: вот красавец мужчина зажигает факел от пылающей колесницы... вот он складывает костѣр для продрогших людей... вот в дикой, пустынной местности, на фоне отвесных гор, его приковывают к скале и пронзают грудь железным штырѣм. Похоже на кадры из детского мультфильма о Прометее. Вот и гигантский орѣл летит терзать печень мятежного титана... Опять мрачный водоворот с разноцветными вкрапинками, но впереди призывно лучащийся теплом светлый овал... приятный звук, так могли бы звенеть крошечные колокольчики... Манящий проѣм приближается... Удар гонга... И тишина... Парение в блаженстве...

Да это сон, просто сон... А как же – сбор дружины, пионеры...

– Только из такого сна обычно не просыпаются. – Мужской голос из этого клубящегося светлого тумана не пугает, ведь так хорошо...

Ватное марево начинает рассеиваться, проступают контуры фигуры, всё яснее, чѣтче: гармоничный торс в тунике, мужественно-красивое лицо в крылатом шлеме, оперѣнные сандалии древнегреческого фасона – ну вылитый Гермес, вестник богов, покровитель путников, гимнастов, торговцев и воров... а также проводник до Аида человеческих душ. Впору паниковать, ведь это значит – пришла смерть или, по крайней мере – безумие, но почему-то совсем не страшно. Лучше поговорить, выпадет ли ещё такая возможность:

– Неужели за гробом что-то есть? И я умерла?

– Не совсем – ты на грани.

– Но почему такая архаика, ведь античность давно прошла, люди не поклоняются олимпийцам. Или забыв вас – мы отказались от истины?

– Спутник шагнувшему в вечность - по вере его. Только с вами, атеистами, – вечные проблемы, приходится цепляться за малейшую возможность. Но ты так веришь в Прометея и бредишь Элладой, что тут сомнений никаких.

- Ты так странно говоришь...
- Лучше строго по Эсхилу? В переводе Пиотровского. Так я могу, а надо ли?
- Нет, уж лучше попонятнее.
- Моих подопечных и сейчас – как маслин в урожайный год. С каждым могу говорить на его языке. Кто только не взмолился о везении и фортуна: странник, купец и атлет, демагог и грабитель – всё то когорта моя. Несть им числа, словно волнам морским. Не то, что у твоего кумира, – героев во все времена рождает земля значительно меньше. Хотя...
- Неужели... Прометей – не миф?.. И что-то ты стал многословней?
- Надо же чем-то развлечься, пока местные гиппократы борются за твою многоценную жизнь. А Похититель Огня... вполне реален... как олицетворение собирательного образа... в каждой культуре имеющего свой прототип. Хотя...
- Ну что ты заладил – хотя, хотя!
- У Гесиода в "Теогонии" твой благодетель человечества – просто ловкий пройдоха, так разделивший жертвенное мясо, что богам достались только жир и кости, а людям – всё остальное. Разгневанный Зевс решил не давать людям огня: "Пусть едят свою мякоть сырьем". Тогда Прометей при помощи Афины проник на Олимп с чёрного входа и, похитив уголёк, вынес его на землю в полom стебле фенхеля. Вот в отместку за это наш Отец Богов и повелел приковать дерзкого к скале в вашем диком скифском краю... Поговаривали ещё, что орла Громовержец подослал терзать печень титана за шашни с нашей Палладой.
- Клеветники вы, с этим старым козлом Гесиодом!! И его "Дурногоней"!
- Сердце любящей девы подобно вулкану.
- Трость её идол слегка – огненной лавой сметёт.
- У Эсхила всё не так, Прометей сделал жизнь людей счастливее: дал им знание, научил земледелию, ремёслам, мореходству, чтению и письму.
- Куда уж старому буколисту тягаться с пламенным пиитом. Конечно, "Прометей прикованный" пришёлся вам больше ко двору. И афиняне горячо отрицали любовную связь своей покровительницы. Ну, тут ладно, может, Зевс сам пустил эту сплетню, чтобы оправдать жестокость. Только вот создателем алфавита считаюсь я, а искусств и ремёсел – карийский Паламед. Но на Эсхила налетел такой вот Пегас и... мы имеем то, что имеем.
- Как же было на самом деле?
- Какое это имеет значение? На жизнь влияет то, во что верят. Если более близкую историю переписывают по множеству раз, что же говорить о более легендарных временах... Хотя, – хитрая усмешка, – если кто-то сумеет убедить достаточное количество людей... это тоже может начать изменять мир.
- К добру?

– Зависит от того, что считать добром... Ну да ладно, пусть будет по Эсхилу: Прометей принёс смертным огонь, дал знание, научил земледелию, ремёслам, строительству кораблей, грамоте, но сделал ли он людей счастливее?

– Конечно!

– Так ли всё однозначно? Вот философ Диоген считал, полагая Зевса не завистливым тираном, а напротив заботливым отцом людей, что получение ими огня было первым шагом к изнеженности и роскоши и в бесконечной погоне за удовольствиями человечество всё дальше и дальше отдаляется от истинного богоподобия.

– Но ваши небожители далеки от идеала.

– Свойственно смертным ссужать свои страсти стихийным созданиям. Нам то есть. Поясняя Диогена, скажем так, целостно-божественный ум – интуитивен, он не думает – он знает, люди же в своём, так называемом, развитии укрепляют разум – разделённый ум. Чем больше разума, тем меньше интуиции. Смена веков: золотой, серебряный, медный, героический и железный – отражает всё большее угасание ума. И ваш прогресс – только всё большее удаление от Истинного Сознания, которое само – радость и счастье. Так, получив от Прометея огонь и всё прочее, – стали ли люди счастливее?

– Много он понимал – этот умник из бочки.

– Да разве мы о Диогене? Ну он-то, в отличие от многих, хотя бы был искренним – жил так, как учил. В стремлении к истинной природе отказался от всего лишнего – отсюда и житьё в бочке... Но... Падает капля последняя нашей беседы... Ныне надолго расстаться нам предстоит... До часа последнего жизни твоей многотрудной... Лик эскулапам Фортуна явила в делах благодетельных...

* * *

Из стенограммы выступления известного сектоведа профессора Творкина.

"...Нужно отметить возникшую в российской глубинке на заре Перестройки тоталитарную секту "палладьевцев", по имени основательницы культа (самоназвания не имеют), пытающуюся возродить поклонение языческому олимпийскому пантеону, но с резким отвержением Прометея, которого они считают чуть ли не греческим аналогом змея-искусителя.

Забавно, что как основательница культа, так и самые активные его апостолы (Ю.Романова, А.Гавриленко) в советском прошлом – члены пионерской дружины имени Прометея. Истоки учения секты в видении, а вернее – искушении от беса, полученном новоиспечённой жрицей в состоянии клинической смерти ещё на излёте Застоя.

Характерные особенности культа: увлечение греческими философами, классической литературой и искусством; пропаганда единения с природой, здорового образа жизни, крепкого брака, отказа от

любых излишеств; показушная благотворительность.

Сектанты в последнее время довольно активно вербуют новых членов за счёт вывоза на природу инвалидов-колясочников, проведения театральных постановок, литературных вечеров, поэтических турниров, спортивных мероприятий и прочего подобного, в общем, пиарят себя по полной программе, поэтому следует уделить особое внимание их разоблачению. Трудность здесь представляют отсутствие у сектантов явной формальной организации, а также каких либо церемоний и ритуалов..."

Наследники Истины

Чёрный ворон, сделав пару кругов над раскидистой липой, сел на толстую ветку, самую близкую к узкому окошечку, больше напоминающему бойницу. Солнце уже село. Клочковатые свинцово-серые тучи, гонимые пронзительным северным ветром, вытеснили уже более половины чистого неба. В скудных остатках света мрачноватая постройка, окружённая высокой стеной, походила не то на усадьбу-переросток, не то на недоношенный замок и могла привлечь разве что старого каркуна, напрочь лишённого людских страхов и предрассудков.

Однако зоркое око вещей птицы заметило и проводило взглядом неясную фигуру, приближающуюся со стороны ближайшего городка. Сквозь покров всё более вступавшего в свои права сумрака можно было разглядеть только, что обладатель этой фигуры довольно высок, остальные же подробности скрывал глухой плащ с капюшоном. Понять, что это человек, а не какой-то серый призрак, помогли разве что производимые им звуки – чавкающие при попадании башмаков в грязь, следующие за тем сдержанные чертыхания да финальный стук дверного кольца, после которого противно-зловеще закрипела входная калитка и капюшонный плащ исчез внутри подозрительного здания.

Заинтересовавшись, старый ворон в несколько сильных взмахов перелетел на толстый бронзовый штырь, непонятно для чего торчащий в стене рядом с оконцем. Вряд ли неизвестный строитель обладал даром предвидения и, прозревая возникшую ситуацию, заранее вбил его, потакая воронову любопытству. Скорее всего служил он в своё время для каких-то обычных, понятных хозяевам дома целей. А теперь вот пригодился и нашему вещуну. Хотя что на самом деле может заинтересовать мудрую, старую птицу?

Как бы то ни было на очень удобном штырёчке очутился любопытствующий представитель семейства врановых. Может, не такой уж он был и старый? Или жил ещё где-то в глубине его остывающего сердца молодой, любознательный воронёнок, только-только начинающий узнавать этот большой, удивительный мир?

Какие же доселе неизвестные грани бытия смог постичь пернатый

естествоиспытатель, заглянув в полуоткрытое окно-бойницу?

...В этой чёрной-чёрной комнате стоит чёрный-чёрный трон,
на этом чёрном-чёрном троне сидит чёрный-чёрный человек,
этот чёрный-чёрный человек шепчет чёрным-чёрным голосом...

Такую, примерно, детскую страшилку мог бы вспомнить лоботряс-мальчишка, пуганый в темноте такими же бездельниками, доведись ему заглянуть сюда.

Ворон же увидел просто большую тёмную комнату, слабо освещённую неверным огнём чуть теплящихся поленьев и одинокой свечи на столе, заваленном книгами и свитками. Крошечные язычки пламени в огромном, занимающем добрую четверть стены, камине выглядели нелепо и, не разгоняя мрак, только создавали причудливую игру теней. Эти сполохи мелким, хаотичным прибоем набегали на величественно восседавшую на высоком троноподобном кресле мрачную фигуру в чёрном. Что человек этот стар и волосы его седы – было явно даже при такой скудной иллюминации, но случайные отблески отражались в ясно-пронзительных, совсем молодых глазах. Внушительный горбатый нос делал своего обладателя похожим на старого орла.

Из комнаты донёся негромкий стук, всхлип открываемой двери, невнятный голос. Дабы не упустить ничего из происходящего, чёрный соглядатай просунул свой длинный клюв в самое окно и увидел слугу, огромного, больше похожего на бурого медведя в ливрее, введившего в комнату позднего гостя. Буркнув что-то невразумительное и подбросив пару дровин в камин, этот гризли в услужении, косолапо переваливаясь, удалился, ещё раз нарушив тишину скрипом несмазанных петель.

Вошедший учтиво поклонился хозяину и закинул за спину капюшон. Оказался он молод и обладал приятными, насколько можно было судить при столь неверном освещении, чертами лица. Даже несколько крупноватый с горбинкой нос, заметно похожий на монументальное обонялище хозяина, не портил общего впечатления.

Первым нарушил молчание юноша:

– Благодарю вас, Мастер, за признание меня сыном и даже более того – наследником, – гость опять склонился в глубоком поклоне, – бедному бастарду сложно было бы рассчитывать на достойное место в жизни по окончании университета.

– К благу это или к худу – судить пока рано, вдруг разленишься в ожидании моей возможной кончины, – неожиданно крепким, хоть и хрипловатым голосом ответил хозяин и с заметной ехидцей добавил, – но ты же не виноват, что мать твоя оказалась... легкомысленной особой, а отец, решительно не озабоченный вопросами семьи, брака и продолжения рода, уязвился, во время оно, бесом под ребро.

Решительным взмахом руки старик оборвал попытку новообретённого наследника что-то сказать и тем же тоном продолжил:

– Да и кому-то надо всё это оставить, не утащишь же с собой в могилу титул, земли и прочий... хлам, – глаза говорившего блеснули так ярко, что стало понятно – переселяться в какой-либо иной мир он явно не торопится, – я вызвал тебя вовсе не для сентиментальных излияний.

– Я весь внимание, мессир.

– Меня больше интересует твоя внутренняя сущность, твоё credo в главном – в вопросах жизни и смерти. Хорошенько подумай, прежде чем ответить.

Не ожидавший такого поворота студиозус впал в глубокую задумчивость. Наконец разгоревшиеся поленья осветили морщины, пробороздившие его высокий лоб и собравшиеся трагической впадиной между бровей.

Пернатый шпион, будто тоже заинтересовавшись столь сложным вопросом, перебрался в самое окно и угнездился на подоконнике. Только потрескивание дров в камине время от времени надрывало повисшую в комнате плотную ткань тишины.

На стенах угадывались какое-то шпаги и пистолеты.

Наконец невольный философ решил:

– Пока я жив – смерти нет, а когда умру – меня не будет, – и после небольшой паузы добавил, – поэтому нет причины волноваться.

– Интересные па выделывают дамы... на вашем факультете, – усмехнулся местный заместитель сфинкса, – и что же, ваша alma mater не напитала вас идеями о посмертном воздаянии?

– Эта гипотеза основана только на вере и не может быть доказана, – на этот раз ответ последовал незамедлительно.

– И ещё никто не вернулся оттуда, чтобы подтвердить сию теорию? – оживившись, лицо старика заметно помолодело. – Узнаю себя в молодости не только по фамильному клыку... Даже если бы у меня и были сомнения до сей поры.

– Но, действительно, ни один ещё не восстал из могилы... ветхие писания недостоверны... и не могут же служить доказательствами видения голодных полубезумных аскетов... Но осмелюсь спросить – какова цель вашего вопроса?

– Попробовать сократить твой путь к истине на длину моей жизни. С кем ещё поделиться своей мудростью... хм, или глупостью, как не с наследником.

Теперь задумался уже хозяин. Словно в ответ на его тяжёлые мысли пламя свечи заколебалось и затрещало, салютуя хлопьями копоти.

– Ну что ж, станцуем от этой стенки – твой исходный постулат из Эпикура не так прост, как может показаться с первого взгляда... А скажи-ка мне, бакалавр, – добрая усмешка чуть тронула увядшие губы, – каков главный признак человека?

– Разум.

– Cogito, ergo sum?

– Да, мыслю – следовательно существую.

– Но ведь когда мы думаем – мы либо переживаем прошлое, либо надеемся на будущее, таким образом находимся либо в прошлом – где нас уже нет, либо в будущем – где нас ещё нет, то есть где, исходя из твоей посылки, вместо нас уже – смерть... Вполне ли мы живы прямо теперь – вот вопрос.

Такой неожиданный вывод из привычных силлогизмов вывел вопрошаемого из равновесия: с растерянностью на лице, уставившись взглядом куда-то в пространство, он принялся неуверенными движениями рук как бы перекладывать что-то на невидимых чашах весов. С губ же вопрошающего уже не сходила покровительственно-снисходительная полуусмешка.

– Но мы почти всегда думаем... разве что во сне... – прекратив месить воздух, растерянно изрёк юный философ.

– Что такое сон, как не игра образов прошедшего, вещие же сны, если допустить их существование – отблеск грядущего.

– А если остановить мысли – достигнем ли мы вечного сейчас?

– Ты пробовал перегородить этот поток?... Вот тебе и моё отеческое напутствие – дерзай... Истину нельзя узнать от кого-то, книги и мудрецы – только подсказывают путь в лабиринте... если сами не ошибаются... Найди сам – это и будет Истина. Как говорили древние греки «алатейя» – Незабываемое.

Несколько долгих мгновений упало в клепсидре вечности, прежде чем собеседник решился нарушить наступившую за этой фразой тишину:

– Неужели по настоящему живут только безумные?..

– Кто сказал, что они не думают? Просто мысли у них идиотские... Ещё пьяных вспомни или слившихся в оргазме... по румянцу вижу, что подобных опытов ты ещё не ставил... и не увлекайся... а я послежу... Ступай, мой юный паладин, Урсус проводит тебя и снабдит некой суммой на расходы, что бы не отвлекаться на заботы о хлебе насущном.

Проводив взглядом выходявшего наследника, старик повернул голову к окну и заметил пернатого свидетеля учёной дискуссии.

– Послежу... как бы не наделал глупостей наш ученик чародея поневоле... А вот и подходящий волонтер... Вовремя пожаловали, ваша мудрость.

Неожиданно легко встав с кресла, хозяин замка, взметнув полы широкого балахона, протянул правую руку к замершему на подоконнике чёрному рекруту и, разведя пальцы, громогласно заговорил:

– Ты будешь моими глазами и ушами, забираю твою волю и наделяю тебя частичкой своей... лети мой тёмный феникс... не зная сна и не переводя дыхания, следи и храни мою последнюю надежду!!!

Гул эха наполнил всю комнату, зазвенели какие-то стекляшки, свеча погасла.

Ворон, рухнув из окна, расправил свои широкие крылья и полетел...

Попаданец

Ах, Мари, Мари, всё твоё увлечение готичностью, и моё – тобой. Понесло же тебя ещё и магию изучать... епрсть... ритуалы просветления... яснознания... переноса... чтоб им... прости, это не к тебе. Ты чудо! До сих пор не пойму, чем я тебе приглянулся – замшелый гуманитарий не первой молодости? Умом и подвешенным языком? Тем, что рассказы пописываю? Пейсатель хренов! Ты же такая молодая, красивая, умная, вся из себя загадочная, затянутая в свою чёрную кожу. И зачем я тоже уломался на куртку с волчьей мордой в перевёрнутой пентаграмме. Всё она – любовь.

Лучше бы ты какой-нибудь восточной ерундой заболела. Сидели б сейчас с тобой тихо-мирно, медитировали, о разных инь-янь-хрень беседовали, или тантрой занимались – милое дело.

Так нет же – магия, круг костров в темноте, взмах ножа, брызги крови, заговор... а-а-а... плющит... распирает... тьма... вспышка... и я в том же замке, только шут знает – когда! Долбанное средневековье. Господи! Счастье, что хоть тебя не закинуло... подвернулся же этот тур по Европам, любой родной Мухосранск раем сейчас кажется.

Ну что они ещё могли подумать, увидев меня в джинсах, кроссовках и куртке с таки-и-ими мордами во всю грудь и спину. Что они могли сделать? Убежать или избить. Одни убежали, другие кинулись метель... Ох, как кинулись... лучше бы сразу убили, чем оставлять этим братьям-изуверам на растерзание... Это действительно страшно, Мари!.. Я бы во всём признался ещё на дыбе... отрёкся бы от всего на свете... кроме тебя... только взглянув на эти обтянутые кожей скелеты в чёрных рясах, сидящие за столом, не говоря уж про близкое знакомство с другими палачами... садистами, гестаповцами – исполнителями... Вот по ком преисподняя плачет... Эти лошадиные морды... поджарые свиные рыла – с наслаждением... Но не буду, Мари, не буду – ведь ты же настоящая женщина, несмотря на всю твою крутость... Эти – виртуозы... без крови, не то что первая группа встречающих.

Но ведь невозможно было ни объяснить, ни признаться, ни отречься – непреодолимый языковой барьер, да какой барьер – великая китайская стена... Ни слова... Мой современный русский они, наверно, за адское наречие приняли, а я в их многоязычных попытках только несколько латинских слов и разобрал. Да чем это могло помочь, из всей латыни я только твоё любимое: «*Homo homini lupus est*» и помню, не стоило даже и заикаться.

А вот сомнений насчёт вердикта у меня не возникло, слово аутодафе я понял без переводчиков. И ждать, наверно, уже недолго. Хоть мучения кончились. Но вот ожидание...

«Сижу за решёткой, в темнице сырой...» Хоть не в сырой – и на том спасибо, накормить «добрые братья» тоже не забыли. Но мучительность

самого ожидания... и неистребимость надежды, умирающей последней... Вот нашёлся обрывок какой-то кожи в углу, и перышко в соломенной подстилке отыскалось... а красных чернил, после первой бурной встречи с местным населением, достать не трудно, только подсохшую корочку поковырять. Пишу тебе, Мари, последнее прости, не то чтобы надеясь переслать, но, скорее, отвлекаясь от мрачных мыслей. Разве что какой добрый ангел отнесёт, да не верю я в крылатых доброхотов. А кусочек неба мне виден – синего-синего, и облака такие весёленькие, как обои в твоей спальне... почему раньше не любил на природу выезжать, вот сейчас бы... Но стоп, куда-то не в ту степь... А птичек и тут слышно... ворон в основном... слетелись – почуяв... вещицы вы наши...

А надежда, пусть и призрачная, у меня есть, запомнил я всё-таки заговор ритуала возвращения – он не очень длинный и довольно ритмичный, огня будет с избытком, крови и без ножа добуду... Но... вот слышу шаги... наверно, за мной. Мари, зла не держу, люблю, на что-то надеюсь, а это послание зажму в руке – может хоть оно...

Этот обгоревший по краям обрывок кожи – единственная вещь, оставленная себе от прежней жизни молодой монахиней «Ордена милосердия».

Про вампиров

Служба крови

Нет, говоришь, никаких вампиров, а если и есть, то злые упыри и никак не иначе, а вот и нет – всякие попадают... Сам не встречал, а люди рассказывали. Да, да – про добрых вампиров... Ну, добрых не добрых, а таких, которые что-то хорошее делают. Не веришь? Ну вот послушай...

Встретил я как-то старинную знакомую, идёт – чернее ночи, еле ноги переставляет, никого не узнаёт. Я к ней:

– Ивановна, – говорю, – что с тобой: лица на тебе нет.

Глаза подняла, долго не узнавала, потом кинулась и ну плакаться: оказывается внучек какой-то неизлечимой болезнью крови болен, месяца четыре осталось... Утешил как мог, а чем тут утетишь, так – сочувствие выразил.

Слушай дальше. В следующий раз повстречались где-то через полгода... Не идёт – летит, это в её-то годы, не маленькие – заметь. Окликнул. Что, да как?

– Жив, – говорит, – Ванечка и почти здоров уже.

И вот рассказывает она мне историю. Дочка её, мать Ванюши, куда только со своим горем не кидалась: всех врачей обошла, чудотворным всяким иконам обпоклонялась, знахаркам разным, да экстрасенсам все пороги обила – всё без толку.

От отчаянья в тырнет, куда-то написала... И ведь ответили оттуда, из тырнета этого. Есть, мол, такая возможность – вылечиться, чудная только больно. Ну, с такой болезнью – за любую соломинку схватишься. Связались с этой «Службой крови». Как раз эти самые, как ты говоришь, злобные вурдалаки и оказались. И взялись они Ванечке поспособствовать. Есть у них такая способность: почти всю кровь из человека выкачать, не убивая его, а потом заместо старой – новую всучить, а после этого и болезнь – как в воду. И ведь сработало, как есть сработало. Поправился парнишка, почти напрочь выздоровел: бегаёт, в игрушки играет – как есть здоровёхонек, от света только отвык маленько за время болезни, на улочку только в сумерках выходит, а так полный хокэй. Вот тебе и злобные вампиры.

Не буди лихо

– Леся!!! – крик старшей сестры настиг Александру неожиданно, как глас божий, почти на самом пороге дома. – Что это такое?!

«Чёрт... и так времени мало, – подумала с досадой не успевшая улизнуть Саша, застёгивая чёрную куртку и подхватывая рюкзачок, формой напоминавший аккуратный гробик. – Слишком долго провозилась со своим «вампирическим» макияжем». И, оборачиваясь, раздражённо спросила ворвавшуюся в прихожую разгневанной фурией, личную «домомучительницу»:

– Ну что там ещё, Нателла? Я спешу.

– Вот я у тебя и пытаюсь узнать: что это? – потрясая брезгливо зажатым двумя пальцами листком бумаги, Наталия от возмущения сбилась на громкий, свистящий шёпот и, скосив глаза, прочитала, останавливаясь после каждого слова: – Ритуал... вызова... вампира!..

«Вот гадство – черновик не прибрала, – мелькнуло в голове у застигнутой врасплох юной вампироманки, – девки убьют: единственный же день в году, а эта сейчас нотацию начнёт, к гадалке не ходи». И как в воду глядела.

– Где ты взяла эту мерзость?

– В сети.

– Александра, сколько раз мы с отцом пытались выбить из тебя эту дурь, всё как об стену горох, не маленькая уже – девятнадцать стукнуло, второй курс института, а такой ерундой увлекаешься, – голос тридцатилетней женщины в домашнем халатике приобрёл интонации и уверенность убелённого сединами профессора, вещающего нерадивым студентам прописные истины. – Даже если предположить – на минуту, – что данные верования имеют под собой реальную подоплёку, то всё равно современный образ вампира – чисто литературного происхождения. Стокер, Райс, Мейер и иже с ними выдумывали, кто во что горазд, наделяя своих кровососов чертами, далёкими от исконно народных представлений. Даже Толстой и то... Кстати, ты прочитала «Семейство

вурдалака»? Я тебе давала.

– Прочитала, прочитала, – сквозь зубы, а в уме: «Чёрт, последняя ведь электричка на Питер скоро отходит...»

Лекция же миловидной, русая коса короной – под Юлию Тимошенко, «госпожи профессора», только набирала обороты:

– Да, даже Толстой в описании вампиров отступил... По народным поверьям, упырь – обычный кровожадный мертвец, без всякого книжного шарма, даже не всегда пьющий кровь: иногда просто загрызающий свою жертву и разрывающий её на куски. Если открыть Афанасьевские «Поэтические воззрения славян на природу»...

«Надо срочно что-то делать! – паническая мысль в мозгу жертвы народного просвещения, казалось, может поднять дыбом перекрашенные в смоль короткостриженные волосы. – Иначе полный абзац... а, была-не была»

– Если ты такая умная: почему до сих пор не замужем?!

Назидательный фонтан будто разом перекрыли, листок выпал из застывшей руки. Воспользовавшись паузой, Саша подхватила с пола «ритуал» и пулей вылетела за дверь, на ходу закинув рюкзачок, набитый магическими причиндалами, за спину.

Из ленты новостей: «Кровавая трагедия». На заброшенном немецком кладбище Санкт-Петербурга обнаружены разорванные на куски тела нескольких молодых, судя по некоторым признакам, девушек. Количество пострадавших точнее установит экспертиза. Следствие обрабатывает разные версии.

Серая напасть

Славен, богат и весел был город Гамельн, пока не избавился от крыс и не лишился своих детей. Богатство осталось, слава потускнела, а смех навсегда покинул его дома, улицы и площади, вслед за страшным крысоловом и его волшебной флейтой. А в утешение остался только рассказ старого слепца о далёком крае, где передвигаются только бегом и вприпрыжку, где с молодых лиц не сходят улыбки – городе Гамельнской молодёжи.

И тут новая беда настигла печальных бюргеров, купцов и ремесленников. Безжалостный враг окружил высокие стены. Как будто неведомая бездна исторгла волны низкорослых латников в серых доспехах, затопивших всю округу и плотным кольцом окруживших многострадальный Гамельн.

Золотые шпильки и вместительные кладовые славного города часто привлекали жадные взгляды завоевателей, но бургомистру и магистрату всегда удавалось собирать с сограждан достаточно звонкой монеты на

крепкую дружину или весомый откуп, да и своя стража не даром ела хлеб. Но эта серая напасть нахлынула так неожиданно, что правители не успели кликнуть клич «ландскнехтам удачи», а своих воинов хватало только на обычную дозорную службу.

Странный это было враг: выкупа не требовал, стены не штурмовал и гонцов не принимал. Просто перекрыл все входы-выходы и обрёк город на голодное вымирание.

Нетвёрдой походкой плетётся по пустынной улице исхудавший бургомистр, от бывлой дородности не осталось и следа, торжественная мантия болтается – как будто натянута на жердь. Долго ещё перебирать ногами до ратуши, мало осталось сил у городского главы, но сегодня последний, быть может, совет – надо добрести. Споткнувшись на ровном месте в очередной раз, присел передохнуть на скамеечку рядом с живыми, пока ещё, мощами трактирщика Йоганна Брандта. Упитанный окорок с вывески издевательски ощерился на обоих.

– На совет? – почти шёпотом от упадка сил полуспросил трактирщик и, получив в ответ только слабый кивок, продолжил, – без толку... кончается старый Гамельн... всех собак поели... Вот сейчас бы приманил крысолов всех крыс с округи, то-то славно попиrowали бы... Не судьба... расплачиваемся за жадность, да за голодных крестьян, на которых хотели нажиться при той засухе и неурожае.

– Расплачиваемся за жадность? – такая мысль не приходила бургомистру в голову. – И за страдания голодных?

– Так говорят, – кивнул трактирщик, – причём получаем той же монетой. На собственной шкуре всегда доходчивей... Недаром эти серые на крыс похожи... детки же наши невинны были, вот Бог и попустил чёртову дудочнику сманить их, а погубить не дозволил – вывел.

– Йоганн, а если мы раскаемся? – неожиданно для себя обронил городской голова.

– А сможем – по настоящему-то?

Не ответив, бургомистр сполз со скамьи и, путаясь в складках мантии, засеменял к главной площади. Ох, долог ещё путь до статуи Роланда с мечом перед ратушей, вот кому голод нипочём. Лишь бы хватило сил дойти, да было бы кому донести эту мысль о покаянии: костлявая рука голода душит всех, самые богатые и именитые – не исключение. А запасы пришлось делить на всех – во избежание голодного бунта.

Дойти... Рассказать... Ударить в колокола собора святого Бонифация... Собрать всех кого можно... Раскаяться... Ведь больше ничего не остаётся. За все месяцы осады никто ничего толкового не придумал, ни главный судья Каспар Геллер, ни хитрющий Гангель Мун, никто.

– Господи, – бормотал трактирщик, глядя вслед удаляющейся фигуре, – помоги нашему неверию. Глядишь, тогда и детки наши сумеют найти

обратную дорогу, а то и прославят Гамельн не только богатством и жадностью.

Неудавшаяся луна

*Студёная ночь,
Луна села на ветку –
Хитрая лиса.*

Как-то молодой, глупый лис позавидовал способности девятихвостых кицунэ принимать волшебные формы – драконов, гигантских деревьев, второй луны в небе. Не способный творить такие чудеса – он взмолился богине Инари и научился, сворачиваясь клубком, притворяться луной. В таком виде, забравшись вместо неба на ветку дерева оборотень умудрялся сбивать с толку простодушных путников.

Так этот лис довольно долго морочил людей, пока не занесло в те края Карго – странствующего монаха школы Сингон. Припозднившись в пути, этот скиталец проходил мимо и заметил фальшивую луну в неподходящем месте. Сообразив, что это оборотень, Карго принялся притворно восхищаться: «Как красива сегодня луна – такая большая и яркая, только висит больно низко, вот бы чуть-чуть повыше!»

Глупый лис раздулся от гордости и попробовал перебраться дальше по ветке, но не удержался на дереве и, сорвавшись, шлёпнулся на землю во весь рост. Опозоренный, он убежал в чащу и больше его никто не видел.

Смерть ведьмы

Потрёпанный газик, непочтительно именуемый в народе «козлом», лихо подкатил к правлению. Кряжистый водитель решительно подогнал к выкатившемуся на крыльцо колобок председателю стайку заробевших девушек в новеньких штормовках:

– Михалыч, принимай практиканток.

– Добро пожаловать, – колхозный голова, смахнул с лысой головы видавшую виды кепку. – Только просветите меня, какая у вас тут практика намечается, по телефону, етит-его-мать, ни черта не разобрал: трещит как в грозу, школа-то у нас на каникулах, пионерлагерей нет, ребяташки самостийно по лесам-лугам скачут – и захочешь, не соберёшь?

Вперёд решительно выдвинулась миловидная брюнетка, одной рукой поправляя аккуратную, под Мерей Матье, стрижку, а другой, пытаясь достать из командирской планшетки официального вида бумагу.

– Мы из «Русской сказки» – этно-секции нашего пединститута. Деканат утвердил план экспедиции по сбору фольклора в вашем районе.

– Вот оно как, – колобок-председатель, озадаченно почесал затылок, заодно закинув кепку обратно на тыковку головы. – И куда же вас разместить?

– А к бабке Федосье, – ухмыляясь чему-то, пробасил водитель.

– Это к ведьме-то, а она разве ещё не товокнулась?

– К ведьме?! – вырвалось у главной практикантки.

– Да, вроде скрипит ещё, – и обернувшись к заробевшим студенткам,

– Ну, разное болтают: навреде, змей огненный к ней в трубу летает, знахарит-ворожит втихаря, травами балуется.

В разговор вмешался вышедший вслед за председателем очкастый старичок бухгалтер:

– Брось глупости молоть, Богдан, травами, да – пользует, грыжу горшком правит, голову после сотрясения решетом лечит – это народная медицина. А про змеев в наш просвещённый XX век уж и болтать стыдно. Скажи ещё, что снежный человек к ней на двор шастает и тарелки на огород садятся.

– Ну, затрещал арифмометр: я же говорю – болтают, а всамделе, может, ей шаровая молния когда в трубу шарахнула.

Девушки, между тем, успели перешепнуться накоротке, и атаманша решительно прихлопнув планшетку к тугому задку, обтянутому чебешными штанами, коротко бросила:

– Мы согласны к знахарке.

– Ну вот и ладушки. Богдан, вези к китайцам, потом за продуктами на скалад сгоняешь и меня подхватишь – загляну узнать – что там и как, заодно с соседями пошебаршу насчёт молочка, яиц и прочих овощей.

По дороге одна из троицы – самая неприметная «серая мышка» – робко поинтересовалась, почему к китайцам.

– А бес его знает, тот конец издавна так кличут.

У неряшливого домика на краю села толпилась небольшая кучка колхозниц.

– Что-то стряслось с нашей ведьмой, – озабоченно пробасил Богдан и, выбравшись из своего «газика», зычно поинтересовался у односельчанок

– По какому случаю митинг?

– Да колдовка, вроде, отходит, – откликнулась самая разговорчивая.

– Дак чего ж вы тут трётесь, может, помочь чем нужно?

– Ищи бедовых, ей своё колдунство передать надо – как раз и всучит.

– Дуры-бабы, – бросил водитель, решительно направляясь к хате.

За ним, не задумываясь, проскользнула «серая мышка», две другие практикантки нерешительно замялись у порога.

В полумраке комнаты, на кровати под стареньким покрывалом скорее угадывался силуэт сухонькой старушки, да на чёрной подушке виднелись разметавшиеся седые космы.

Услыхав вошедших, Федосья чуть приподняла бледную руку и еле слышно прошептала:

– Пить.

Поискав взглядом, «мышка» зачерпнула со дна ведра воды и протянула умирающей. Сухая лапка колдуньи неожиданно крепко обхватила кисть студентки поверх стакана и окрепший голос зловеще проскрипел:

– Владей!

Тест на мессианство

Часть первая. Ворота Машиаха

В белом полуспортивном костюме с кроваво-алой толстовкой бодрой туристской походкой ранним утром двадцать четвёртого числа, весеннего месяца апреля на смотровую площадку западного склона Масличной горы вышел проректор Биробиджанской педакадемии Беркович Дмитрий Михайлович.

Перед – не по званию – молодым светилом захолустного образования и его спутником в неверных рассветных лучах раскинулся древний Иерусалим, священный город трёх религий. Самая молодая из которых, с обычной самонадеянностью, присущей юношеству, салютовала себе блеском мечети Куббат ас-Сахра. Первых солнечных лучей как раз хватило, чтобы хорошенько отразиться от её золотого Купола на скале.

Кедронская долина ещё пряталась в плотном сумраке, наиболее густом на дне ущелья и слабевшем на подступах к вершине Храмовой горы. Розовела только её восточная стена с массивом Золотых ворот, через которые, по преданию, должен войти в вечный город Мессия, положив – тем самым – конец этой мнимой вечности.

Наслаждаясь, действительно, лучшим видом Старого города, а больше, скорее, давая своему попутчику, оказавшемуся тут впервые, пропитаться энергиями древности и сакральности, просто лучащимися, даже – сочащимися из каждого камушка и кустика вершины горы Мориа, Дмитрий Михайлович долго молчал. Уже третий раз посещающий землю обетованную, он добровольно и с охотой взял на себя труд Вергилия для своего товарища и коллеги на ниве посева доброго и вечного.

– А что, Илья Петрович, – нарушил, наконец, тишину черноволосый проректор и доцент, – не удивляешься ли ты, что наше паломничество началось так далеко от обычных маршрутов – с восточного хребта, от Университета, и путь свой мы держим, не заходя во все эти церкви, монастыри и прочие святыни? Скажу более, даже Гефсиманский сад с его двухтысячелетними оливами, свидетельницами сомнений Иешуа, мы оставим в стороне. Кстати, вот он справа, по всему склону – до самого дна долины.

Русый Илья, здорово похожий на своего тёзку – Муромца в

молодости, только без бороды, – проследив взглядом за широким жестом своего невысокого спутника и внимательно осмотрев историческую рошу, вершины которой до середины склона как раз начало золотить поднимающееся солнце, отвечив густым басом:

– В этом, Дима... Михайлович, я на вас всецело полагаюсь.

– И правильно, и правильно, все обязательные места: Виа Долороза, Гроб Господень, остатки западной стены, известные среди необрезанных как Стена Плача, и великое, великое множество других – за неделю мы обязательно осмотрим... Но всё это история, пыль прошлого... важная, очень важная... сокровенная... но пыль...

Тревожная тишина повисла между собеседниками, стекла со смотровой площадки, перевалила через стену кладбища по левой стороне склона, покаталась между могил и запуталась среди теней от надгробий этого древнего и самого дорогого еврейского некрополя.

– А что же не пыль?

Вместо прямого ответа парадоксальный проректор махнул немалым своим горбоносым профилем налево и в свою очередь спросил:

– Знаешь, почему место на этом кладбище стоит до миллиона долларов?

– А оно стоит?

– Говорят... Но дороже ста тысяч точно.

– Нуу... за древность, наверно. – Голубоглазый богатырь поднял было руку почесать затылок, да передумав, просто погладил себя по длинным волосам.

– Три ха-ха! Не смехи эти древние камни, чтобы иудей выложил миллион зелёных за одну древность?!

– Ну не знаю – сдаюсь.

Выдержав театральную паузу, биробиджанский сфинкс подмигнул карим глазом:

– За будущее.

– Какое на фиг будущее?!

– Последнее! Окончательное! В конце времён!... Когда явится Машиах вершить последний суд!... И воскресит мёртвых из гробов их!...

После этого крика тишина попыталась было опять зависнуть над историческими местами, но... не вышло: ветер зашумел кронами Гефсиманских олив, в монастырях зазвучали бронзовые доски, гул пробудившегося города уже отчётливо доносился до Масличной горы... не вышло.

– А это кладбище тут причём? – не заржавел вопрос и у Ильи Петровича. – Мессия, он же всех мёртвых поднимет.

– А эти первыми восстанут, – быстро успокоился и Дмитрий Михайлович... и после небольшой паузы негромко добавил: – Собственно... мы и идём к месту, где объявится Машиах, вот оно-то одно – я считаю – и относится к будущему.

– Дима, ты так серьёзно к этому относишься?

– Ладно, пойдём потихоньку, путь крутой, не очень близкий, не особо живописный: между кладбищенской оградой и монастырскими заборами – там и поговорим.

Они спустились со смотровой площадки и двинулись по довольно крутой дорожке, притиснувшейся к самому престижному некрополю, копившему могилы со времён царя Давида и попасть на которое имели шанс не только богачи – за монетки, но и выдающиеся личности еврейского народа – за заслуги.

– Я же, Илья, как ты знаешь, уже третий раз здесь, и довольно подолгу – у родни. Так вот: поначалу я просто погрузился в эту историю, эту древность, прямо бредил ею, а условия здесь для этого... она же тут очень вещественна, очень доступна на «пощупать», ну просто исключительно материальна... Потом на фоне постоянных напоминаний о таких событиях, таких людях... собственная жизнь показалась совсем ничтожной, абсолютно мелкой: работа, по большому счёту, никому не нужная; личные стремления... низменны и приземлены... все души прекрасные порывы благополучно задушены мелочностью стремлений или сами задохнулись в этой рутине... ну семья, ну дача, карьера... а... всё пустое...

– Ну такие настроения у всех бывают – к бабке не ходи – и на святую землю летать не надо.

– На такой земле всё самое-самое: и депрессии, и диагнозы... Да ладно – это тоже в прошлом...

– Вот и ладушки. И какой же великой идеей ты осенён сейчас?

– Прошлое – пыль!

– Как, как?

– А вот так, всё прошлое: и общее и личное, и жалкое и великое – не более чем пыль на подошвах настоящего... и при необходимости его можно просто отряхнуть с ног.

Между тем, они уже миновали дно долины, перебрались через Гихонский ручей, по преданию, вытекающий на землю из бездны, и по широкой дуге поднимались к левому краю храмовой стены.

После таких слов Илья невольно остановился и попытался поймать взгляд собеседника. Целая гамма чувств и мыслей отразились на его бесхитростном лице. Но, тоже остановившийся, Дмитрий, повернувшись в сторону Масличной горы, задумчиво смотрел на колоссальное кладбище, мимо которого они только что проходили. Солнце поднялось уже довольно высоко и самые дорогие в мире тени заметно укоротились.

– И какие же практические выводы ты сделал из этого теоретического пассажа? – не дождавшись разъяснений, спросил потомок Муромца напрямую.

– Сосредоточился на будущем, а самое главное в нём – мы же в мессианском городе – это приход Машиаха.

– Да религиозно озабоченные всех трёх религий только тем и заняты, что ждут его прихода... А поэтому молятся, соблюдают заповеди, постятся, совершают добрые дела... и всё такое, что-то я подобного за тобой не заметил.

– Да, в иудейскую ортодоксию меня, правда, не потянуло. Я заинтересовался, скорее, личностью Спасителя, его избранностью, вернее, – как это выразить – вопросом, действительно ли им может быть только определённая личность или вакансия – так сказать – открыта.

– В смысле! – брови ошеломлённого Ильи поползли вверх, – можно ли стать Мессией!?

Тут на наших друзей сверху накатила небольшая стайка туристов; это оказались вездесущие низкорослые японцы почтенных лет, увешанные со всех сторон разнообразной фото-видеоаппаратурой. Пришлось немного потесниться и подождать, пока потомки самураев отфотографируются и немного отойдут. Вряд ли сыны и дочери страны восходящего солнца понимали по русски, но вести такие разговоры при посторонних... Проректор решил переждать, прежде чем ответить:

– Не то чтобы так прямо, но близко: может ли обычный человек стать Спасителем.

– Спасателем, наверно, может, да и то не всякий... Это только в фентези любой бухгалтер или менеджер, ну в лучшем случае отставной спецназовец, может спасти мир и победить Чёрного Властелина. А на самом деле мессией нужно родиться.

– И окуда это следует?

– Ну вот Иисус с детства знал.

– Таки да? А если верить самому раннему Евангелию – от Марка – он узнал о своей миссии только при крещении: дух Божий снизошёл на него и сказал «Ты Сын мой...» ну и так далее. И я больше склонен верить Марку, а не его более благочестивым и многословным товарищам. Это если оставить в стороне вопрос о мессианстве Иешуа.

– Да, этот вопрос поднимать не будем.

– Ну и океюшки, как говорит Задорнов. Тем более, что и миссии могут быть разные...

Над нашими собеседниками, будто желая предупредить о чём-то, предостеречь, закружилась небольшая стайка голубей, но что может отвлечь мужчин, рассуждающих о судьбах мира...

– И ты нашёл этот тест на мессианство?

Птички небесные, как бы осознав тщетность своих усилий, полетели прочь, даже не дождавшись ответа проректора:

– Представь себе!

– И?

– Золотые ворота!

– В смысле?

– Машиах должен вступить в Иерусалим через Золотые ворота...

Кстати, две тысячи лет назад кое-кто въехал на ослике именно через них...

К тому времени они уже продолжили идти, шагая вдоль стены по дорожке, со всех сторон окружённой старыми, давно заброшенными могилами.

– Так в чём же заминка: купи ослика и вперёд.

– Кто бы пустил меня на Храмовую гору на осле... да и тест этот вот уже несколько сот лет не действует: султан Сулейман Великолепный велел заложить ворота камнем.

– Предусмотрительный товарищ.

– Не то слово, ты даже не представляешь насколько: на случай, если камни не удержат Машиаха, султан приказал открыть перед воротами это вот кладбище, в надежде, что Спаситель, как потомок Давида и первосвященник, не сможет ступить на нечистую землю. Более того, подумав, что Машиах может и воскресить всех мертвецов из этих могил, Сулейман приказал хоронить тут лучших воинов ислама в полном вооружении – восстав из гробов, они не пустят Помазанника в город. Вот так.

– Нет слов... Чего же он так взъелся на Мессию?

– Не знаю, наверно, вслед за христианами считал иудейского Машиаха антихристом.

– Как у вас тут всё запущено...

– Да, всё по взрослому.

– Не по детски, это точно.

Между тем наши друзья достигли вожделенных ворот, вернее сказать – башни, по современному состоянию, хотя по декоративным аркам, обильно украшенных орнаментом, бывшие створки были ясно различимы.

Свидетелями этого торжественного момента были неистово наяривающие в свои смычки цикады да одинокая птица в вышине: то ли орёл, то ли ворон, а может даже и голубь – некому было особо присматриваться: Илья Петрович с интересом изучал каменный мессиеометр, а сам кандидат в сверхчеловеки впал в совершеннейший ступор, уставившись на одну деталь правой полуарки псевдодворот.

Удовлетворив первое любопытство, товарищ проректора обернулся к другу и, заметив его совершенно ошеломлённый вид: вытянувшееся лицо и округлившиеся глаза, схватил за плечо и как следует встряхнул.

– Что с тобой!? Что случилось?!

Немного оттаяв, Дмитрий Михайлович приподнял правую руку и указав на некое подобие каменного окна в правой воротине, слабым срывающимся голосом с какими-то механическими обертонами спросил:

– Что это?

– Где?

– Вот, прямо по пальцу.

– Господи, да что там такого особенного: калиточка небольшая,

немного приотворена.

И, действительно, в каждой половине ворот, ровно посередине, были чёткие углубления в форме небольших воротец, и каменная внутренность одного из них чуть отъехала в сторону, образуя вполне заметную щель в чёрную пустоту.

– Какая калиточка! – взревел очнувшийся проректор. – Это чисто декоративный элемент!

– Да откуда ты знаешь, может просто не открывалась никогда.

Тут тишина, притаившаяся было среди самых престижных надгробий, настигла их и заставила совместную реальность балансировать на хрупкой грани мистического и обыденного миров.

– Я изучил все источники... Это шанс... – качнул в одну сторону Дима бен Михаил.

– Все – доступные тебе, а сколько осталось не доступно, не смеди мою задницу, – надавил на другую Илья сын Петра.

– Надо проверить.

– Проверь, – консенсус нашёлся неожиданно быстро, – а что там с внутренней стороны?

– Богословская школа.

– Ну, в крайнем случае, получишь Кораном по голове и приползёшь обратно.

– Тебе смешочки, а меня трясти начинает, ведь всё может обернуться по настоящему.

– Да брось, сколько народа этими воротами ходило.

– По своим делам не то, в счёт идёт только специально, вот как Иешуа... Уверен, и Бар Кохба прошёл тут: или когда готовился поднять своё восстание против римлян, или когда взял город... А уж после закрытия ворот и подавно никаких случайностей.

– Тем более – лучше не рисковать.

– Второго шанса не будет, как говорил Кабир:

Что хочешь делать, делай побыстрей,
что хочешь делать быстро, сразу делай,
не то, смотри, над головой твоей
нависнет время тяжестью созрелой.

Помоги-ка мне, а то чувствую – уже начинаю тянуть время.

Друзья пробрались между заросшими какими-то жёлтыми сорняками могильными плитами, перелезли через невысокую решётку и подошли вплотную к воротам. Щупленький кандидат на должность мессии попробовал было расширить проход, но без помощи товарища с таким же успехом мог бы потолкать стену. Тогда богатыреподобный скептик тоже подналёг, и щель внутрь неизвестности расширилась: камни отъехали в сторону, как в фильмах про замки, правда совершенно бесшумно. Свет внутрь почему-то не проникал и рассмотреть что-либо там не было никакой возможности.

– Пророк Илия должен возвестить о приходе Машиаха, будь добр – имя у тебя подходящее – возвести.

Чувствовалось, что странность обстановки начинает пробираться и возведённого в ранг пророка казавшегося непробиваемым Илью:

– Ну ладно, ввязавшись в балаган – будем лицедействовать до конца, – пробасил он и, наклонившись к чёрному провалу громко крикнул, – готовьтесь, сукины дети, мессия грядёт на ваши головы!

Пустота по ту сторону темноты неожиданно гулко отозвалась эхом какого-то странного слова, не похожего ни на одно из произнесённых.

После чего проректор Беркович решительно вскарабкался к зияющему провалу и, встав на четвереньки, канул в него.

Часть вторая. Миссия не выполнима

Ход был узким, низким и не очень ровным, поэтому продвигаться приходилось медленно и на четвереньках. Во что превратится белоснежный костюм, Дмитрию Михайловичу не хотелось даже думать, какими глазами посмотрят люди на той стороне, особенно, если это действительно окажутся исламские ортодоксы? Пожалуй, лучше бы там и вовсе никого не оказалось.

Неожиданно маститый проректор поймал себя на том, что подобное состояние он уже испытывал, будучи абитуриентом и студентом первого курса – перед экзаменами, естественно, не по любимой истории, а по ненавистной математике. Угроза загреметь – нет-нет, конечно, не загреметь, а быть призванным – в ряды защитников отечества, только добавляла тогда дрожь в коленки и адреналина в кровь. Сейчас, правда, можно было и повернуть... но что-то внутри не пускало: то ли эго и гордый ум, то ли душа и пылающее сердце – в темноте подземелья и горячке похода (скорее пополза) разобрать было практически невозможно. Оставалось только стремиться дальше, уповая на кривую, которая вывезет.

Как-то отстранённо, абитуриент на мессианский факультет отметил, что путь, на самом деле, отнюдь не прям: сворачивает и вправо и влево, забирает и вверх и вниз, не вылезти бы, на самом деле, гденибудь под Куполом на скале, вот тогда, если срочно не откроются какие сверхспособности, самая прямая перспектива – стать кандидатом в покойники: в эту мечеть не мусульманам уже давно вход строжайше закрыт.

Вот примерно на этой мысли, Дмитрий наш свет Михайлович и провалился в какую-то дыру-не дыру, люк-не люк, в крошечной темноте кто ж разберёт.

Падение было на удивление долгим, переход к свету – резким, приземление – не очень мягким.

Распластавшийся на земле кандидат, доцент и проректор, не успев даже протереть зажмуренные с темноты глаза, был тут же оглушён диким

рёвом нескольких десятков глоток, взревевших прямо над ухом. Инстинктивно закрыв голову и в любой момент ожидая удара, он вскочил, собираясь дорого продать свою жизнь.

Но нападения не последовало, более того – пред широко распахнувшимися глазами Димы ибн Миши предстала живописная картина: толпа восторженных людей с упоением скандирующая неприятно знакомое слово: «Корнишон!!! Корнишон!!!» Иногда добавляя к нему, ничуть не облагораживающий эпитет: «Пупырей Корнишон!!!» Другие слова тоже произносились, но уже не в унисон и никаких ассоциаций у доцента, знающего несколько языков, в том числе и древних, не вызывали.

А вот внешний вид встречающей группы навевал некоторые мысли: энтузиазмом, горящими глазами, резкими жестами и склонностью к речёвкам они очень напоминали футбольных фанатов или, скорее, просто фанатиков какой-то идеи. Исхудавшие, даже какие-то усохшие лица неразличимого грязно-коричневого оттенка, фигуры типа восставшие мощи, пугающую худобу которых не могли скрыть даже рясоподобные хламиды с капюшонами... Да, мысли навевались... и мысли не самые приятные... Больше всего захотелось включить реверс и вернуть всё к моменту «до того как», но подбегали всё новые толпы мумиеподобных поклонников и за их тщедушными тушками наш Пупырей Корнишон не смог даже толком рассмотреть место своего экстренного десантирования.

Наконец прибыли какие-то начальники и несколькими мощными воплями положили предел неконтролируемым выплескам народной любви: несколько сотен монахов этого корнишонского ордена выстроились двумя уводящими вдаль рядами, а подбегавшие вновь адепты просто достраивали своими телами живой коридор.

А дальше дорогого гостя подхватили под белы ручки и повлекли по живой аллее славы безостановочно выкрикивавшей: «Корнишон!!! Корнишон!!! Пупырей Корнишон!!!»

Влекомая таким образом надежда и опора местного населения не забыла оглядываться по сторонам: никаких совпадений, кроме наличия стены, с реальной Храмовой горой не наблюдалось. Отсутствовал золотой Купол на скале и мечеть Аль Акса, равно как и всё остальное, наличествовала же огромная площадь с рядом совершенно других сооружений; вот только что проректор с эскортом миновали большой каменный помост, высотой чуть ниже человеческого роста с массивной, явно металлической, чашей посередине.

Оглянувшись назад, то ли пленник, то ли повелитель, а скорее два-в-одном, на месте Золотых ворот заметил другие, совершенно непохожей конструкции, с каким-то предвратным лабиринтом и возвышающемся сверху колоссальным каменным бюстом красивой женщины в рогатом шлеме.

Очертания крепостных стен, насколько можно было судить,

совпадали с Иерусалимскими; на возвышающихся по углам башнях, между тем, запылали сигнальные костры и загремели звонкие била, неся своим энергичным ритмом радостную весть градам и весям.

Увидев и услышав всё это, не почувствовал Избранный радости в сердце своём, напротив, грусть и печаль поселилась там, подумалось ему: а по себе ли схватил Сенька шапку? Тем более, что никаких особых изменений он в себе не заметил: как был проректором педакадемии, у которого в детстве дворовая шпана отбирала мелочь, так им и остался.

Тем временем процессия прибыла к великолепному шатру, размером с небольшое шапито, разбитому у южной стены, неподалёку от невзрачных воротец – визави иерусалимских Мусорных, тоже не блестящих особыми изысками.

Зато встреча случилась вполне пышная, по военно-полевому, но всё-таки: сводный оркестр струнно-ударных инструментов вдарил нечто торжественно-бравурное; местная гвардия синхронно махала каким-то железом; танцовщицы а-ля знойный восток соблазнительно сотрясали всеми своими расчётливо недооткрытыми прелестями.

Под конец церемонии выступила группа знати, увешанная драгоценностями и дорогим оружием, в ярких накидках, плащах и прочих турбанах, к радости новоиспечённого Спасителя, явно светской направленности, ну, действительно, какая радость попасть в царство сплошных постников и аскетов. Благо на жалкий вид – после колено-локтевого-то передвижения по пыльным коридорам между мирами – когда-то белых доспехов нашего рыцаря без страха и упрёка особого внимания никто не обращал.

Власть предрезающие хлеб-соль или какой-либо чак-чак не подносили, подарками не одаривали, ограничились торжественными речами, в которых тостуемый понял только уже начинающие вызывать нервный тик «Пупырей Корнишон».

Наконец все мероприятия по встрече подошли к концу и виновника торжества препроводили в шатёр. Там, к его великой радости, первым пунктом было помывочное отделение: в одной из ковровых комнат стояла большая купель с тёплой водой, по поверхности которой плавали разноцветные лепестки местных цветов, и аромат тоже витал соответствующий. В общем, условия «отречься от старого мира и отряхнуть его прах» со своих ног были подходящие.

Проворные прислужники шустренько помогли совлечь бранные одежды: разоблачаемый только-только успел спасти бумажник со своими личными вещами. Конечно, зажигалка, деньги, пластиковые карты и документы вряд ли тут пригодятся, но избавиться от вьёвшегoся в подкорку представления: «без бумажки – ты букашка» за столь короткое время не представилось возможным, да и мало ли что... Местные чегоизволите намылились было сами и помыть своего подопечного, но тот жестом отослал эту услужливую братию, предпочтя порелаксировать

и порассуждать о сложившемся положении в одиночестве.

Тёплая вода и благовонные ароматы способствовали расслаблению, но мысли... тревожные, скачущие с одного на другое, не дающие толком успокоиться мысли:

«... Вот я и Нео, но... что-то не видно кандидата в Морфеусы... Где мой персональный Гендальф, что мне предстоит тут совершить-то, в чём задача? Языку бы кто поучил, или Избранному у них тут принято самому всё знать... а от этих двух слов меня Кондратий скоро подхватывать начнёт, ну вот надо же случиться такому совпадению звукосочетаться, тьфу, звукосочетанию совпасть, даже если предположить, что Пупырей Корнишон, значит тут что-то типа Великий Машиах...»

Чёрт, сигареты не вытащил... но это, скорее к лучшему... как тут отнесутся к Спасителю, извергающему дым... большой вопрос... сработает это на имидж или дискредитирует окончательно? Курить хочется зверски... Но Машиах, потихоньку дымящий в туалете... это, конечно, нонсенс...

Теорию существования параллельных миров можно считать доказанной... вот только вряд ли доказуемой, как обеспечить повторяемость эффекта? В случае чего придётся, скорее всего, помалкивать в тряпочку...»

Слуги прервали и этот беспорядочный поток сознания: извлекли из воды, обтёрли, нарядили в просторные, явно домашние одежды и препроводили в столовую. Обед подали без излишеств, но вполне полноценный: мясные и молочные продукты без ограничений, овощи и фрукты в изобилии, напитки, преимущественно безалкогольные, тоже наличествовали. Изнурять своего Избавителя голодом и постами тут явно не собирались – это радовало. Гигиена тоже оказалась на высоте: после еды предложили большую чашу сполоснуть руки и губы. После чего провели в спальню и предоставили мягкому, но без излишеств, ложу прогнать остатки усталости из этого самого ценного, на данный момент, для местного населения тела.

Если что-то и должно было случиться, то не прямо сейчас – время явно терпело. Нервное напряжение, ванна и обед сделали свое дело: Мессия, пока без миссии, не подозревавший, что сможет задремать в подобной обстановке, мирно уснул. Видения из страны грёз нового мира случились ему тревожные, но совершенно не запомнились.

Отсыпаться сколько влезет Избранному, однако, не дали: негромко прозвенел гонг, вошли слуги – и всё провернулось в обратном порядке: сполоснуть лицо, лёгкий ужин, ванна, но уже без продолжительной расслабухи, облачение. Одежда была светлая, просторная и исключительно удобная, в стиле Алладина или какого нибудь Принца Египта, очень подходящая, как заметил и сам одеваемый, для махания разными разящими железками, коими новоиспечённый Мессия, в миру скромный учёный и администратор, никогда не увлекался.

Солнце уже присело на западную крепостную стену, светлого времени осталось всего ничего. Всё немалое пространство внутренней площади было под завязку забито народом, ведущим себя на удивление тихо, по крайней мере, до появления нашего героя. Увидав же его, окружённого эскортом из духовных и светских авторитетов, народ взревел в единодушном порыве. На всех лицах засияли счастливые улыбки, а у многих скатилась и счастливая слеза. Этот порыв объединил все классы и сословия: монахов и мирян, богатых и бедных, женщин и мужчин, знать и простолюдины. Ликование не смолкало всё время, пока ледокольный клин сопровождающих мессию лиц, с ним самим в середине, бороздя море народного единства, добирался до платформы с бронзовой чашей.

Когда же Спаситель начал подниматься по ступеням, оставив эскорт внизу, весь шум сразу стих, будто какая-то невидимая рука выключила огромный рубильник. Воцарилась почти идеальная тишина.

На платформе с мечом в правой руке и рогатым шлемом в левой стояла прекрасная полуобнажённая девушка, истинная Валькирия, живое воплощение гигантской скульптуры, возвышающейся за спиной своей жрицы на местных воротах Машиаха. Из одежды на ней был только длинный кусок красноватой ткани, обёрнутый вокруг бёдер.

В голове у ведомого мелькнула ужасная мысль: «Вот сейчас: мой меч – твоя голова с плеч», и сердце застучало, как бешеное.

Подождав, пока герой взойдёт на платформу, эта босоногая дева-воительница надела свой шлем на голову, взяла меч двумя руками и чудесным грудным голосом затянула нечто ритмически-напевное, оставалось надеяться – гимн передачи меча мессии. На жертвенной чаше курились какие-то благовония, окуривая всю платформу и стоящих по её периметру худосочных монахов приторно-горьким ароматом.

Закончив петь, жрица меча на вытянутых руках протянула своё грозное орудие нашему герою, и тому не оставалось ничего другого, как принять его. Тут-то наш путешественник чуть и не оконфузился: меч оказался гораздо тяжелее, чем предполагал кандидат наук и почти выпал из его непривычных рук. Только напряжением всех сил удалось ему избежать такого фиаско. У девушки удивлённо приподнялась бровь, а восторженный народ ничего не заметил, волны народного ликования забушевали с новой силой, заканчиваясь повсеместными объятиями.

Солнце между тем закатилось за горизонт, на площади стали зажигаться факелы, и огненные процессии потянулись к семи воротам, ведущим за пределы стен. Нашего героя повели на одну из них, и сверху он увидел тысячи костров, горящих вокруг горы, на которой стоял храмовый комплекс. Со всех сторон, насколько хватало глаз, всё новые огни вливались в это огненное море. В общем, собиралась сила народная сбросить власть какого-то местного супостата, благо, нашёлся, наконец герой, способный его сразить.

К себе в шатёр наш герой с мечом вернулся совершенно разбитый усилиями, затраченными на ношение этого меча с видом бывалого вояки. Отказавшись от ванны и от пищи, он отпустил всех слуг и завалился на ложе, погружённый в мрачайшие думы:

«Вот это подкозвило... задача определилась: возглавить народное ополчение и сразить местного Бармалея... И совершенно не важно, кто он: дракон, Саурон, Волдеморт или Чингисхан – я элементарно не донесу этот чудесный меч до поля битвы, оно же явно не рядом... А сама эта железяка сражаться точно не будет... На что же я рассчитывал, когда полез в эту дыру... на знания и силу интеллекта? И куда теперь подсунуть этот интеллект?... Я же даже взяточников в нашем институте не смог до конца приструнить, чинуш из мэрии по вопросам финансирования образования почти ни разу не переспорил, в битве с «Зеленстроем» за озеленение институтской территории потерпел почти полное поражение... А туда же – полез мир спасать...»

Нет... сейчас весь ум надо направить на одно: как отсюда сделать ноги... домой, только домой...»

Приняв решение, проректор, в прошлом неплохой экспериментатор, почти мгновенно рассчитал кратчайший алгоритм действий.

Найдя тёмную занавесь, messiанским мечом он отхватил подходящий кусок, тем же орудием рассёк заднюю сторону шатра и оставив священную железку внутри, завернувшись в ткань, выскользнул из шатра. Бесшумно двигаясь вдоль стены, он довольно быстро добрался до ворот, через которые и попал в этот мир, и... запутался в предвратном лабиринте каких-то стен, стеночек, порошков и ступенек... если бы не фонарик на зажигалке, помогавший в своё время в тёмных подъездах, наш беглец с поля битвы точно сломал бы себе что-нибудь.

Но и с фонариком неудавшийся герой встал в полной растерянности... И тут откуда-то снизу раздался голос Ильи, зовущий беглого проректора. Наклонившись, тот увидел маленький лаз, ныряющий под одну из стенок.

Ни секунды не задумываясь, Дмитрий взял фонарик в зубы и полез в эту дыру, пригодную разве что для собаки. Ежесекундно рискуя застрять, он вкрутился в этот ход и пополз по узкому лазу, ориентируясь больше на голос товарища, так как фонарик давал небольшое пятно света только прямо внизу, и всё равно проректор недоумевал, как же он забыл про это приспособление при проходе сюда, видно отшибло память в горячке предвкушения теста на messiанство.

И тут Дмитрий Михайлович до конца осознал, как бездарно и стопроцентно провалил он этот тест.

Тут-то он и вывалился на свет божий – прямо в руки Ильи Петровича. Слезы градом хлынули из глаз блудного проректора, кинувшегося обнимать своего Ариадна:

– Илюша! Вот ты истинный спаситель, мой спаситель!

– Дима, что с тобой? Полчаса ползал в какой-то дыре, я уже хотел за тобой идти, да не пролез, а теперь истеришь как девица, потерявшая невинность? – тут только он обратил внимание на экзотичное одеяние товарища и странное выражение его лица, – что случилось?

– Всё расскажу, хотя, может, и не стоит, но тебе расскажу. А сейчас быстрее к ближайшим авиакассам.

– Зачем?

– Менять билеты домой, полечу с тобой: ну её, эту историческую родину. Есть у нас ещё дома дела.

Часть третья. Есть у нас ещё дома дела

Покинув аэропорт Бен Гурион, пассажирский «Боинг» набирал высоту, унося наших героев: неудавшегося мессию Дмитрия и его друга и спасителя Илью-«пророка» всё дальше и дальше от земли обетованной.

Наконец-то закончилась эта неделя, под завязку, как мощна крохобора, забитая обычными туристско-экскурсионными обязанностями, добровольно взваленными на себя проректором. Их пришлось выполнять, не смотря на дикий, не лезущий ни в какие ворота казус, случившийся – по иронии судьбы – именно за пролезанием в ворота – у Ильи-то в Израиле родни не было, и, скорее всего, это было его единственное посещение Святой Земли.

Да оно может и к лучшему – заботы чичероне помогли удержаться на привязи скачущим, готовым оторваться от коновязи чувствам и мыслям и спасли от трогания с места проректору крышу. Только два раза её шифер подвергся серьёзной опасности: на Виа Долороза, исхоженной – казалось бы – вдоль и поперёк; и, особенно, в Гефсимании, тоже – думалось – знакомой, как своя ладонь.

Показывая Илье начало Пути Скорби – часть преториума римского прокуратора – нашего горе-спасателя первый раз бросило в дрожь при мысли, что на этих плитах бывшего каземата резиденции Понтия Пилата стоял человек, миллиардами признаваемый истинным Мессией. И он не свернул с пути, хоть и знал, по словам евангелистов, о своей Голгофе.

И дальше, от одной скорбной стоянки к другой, это чувство соприсутствия, частичного переживания страстей Иисуса всё больше и больше захватывало Дмитрия. На пятой же станции, прикоснувшись к камню, хранящему след руки Сына Человеческого, сын Михайлович, почувствовал себя и Симоном Кириинеянином, на которого взвалили крест Спасителя.

Взглянув же на каких-то чернокожих, видимо эфиопских, паломников, двигавшихся по Виа Долороза с огромными грубо сколоченными крестами на плечах, проректор даже пригнулся под этой незримой, но отнюдь не эфемерной тяжестью.

Даже шум базара, по которому частично пролегает дорога к Храму, крики торговцев, пляски африканских богомольцев, ишачки с поклажей,

время от времени вторгающиеся в толпу, прочий гвалт и неразбериха в этом довольно тесном месте, не могли вывести проректора из охватившего его состояния. Скорее наоборот, даже как будто сгущали атмосферу двухтысячелетней давности на этой древней сцене.

Опасаясь за свой рассудок, Дмитрий не стал входить в Храм, а сразу двинулся мимо в сторону Яффских ворот, предоставив Илью собственному здравому смыслу и знанию английского.

И всё-таки самое сильное потрясение наш доцент из Биробиджана испытал на следующий день в Гефсиманском саду. Заведя гостя во двор церкви Страстей Господних и взглянув на старые оливы, дававшие плоды уже более двух тысяч лет, он вдруг с мучительной ясностью осознал, что эти корявые стволы были свидетелями последнего выбора Иисуса.

Как и любой человек, тот боялся смерти, до кровавого пота боялся... Позвал учеников для поддержки... Молил пронести мимо эту чашу... Но не убежал, не отступил... а мог бы. И ведь точно знал – чем всё это закончится... И не важно был ли он Машиахом... И, вообще, возможен ли на земле один-единственный Спаситель... В любом случае он был человеком с великой Миссией... Принявший окончательное решение ещё до торжественного въезда на ослике через Золотые ворота... Не ворота сделали его Машиахом, а он эти ворота – messiанскими.

А он – Дмитрий свет Михайлович – с какого перепугу возмечтал проверить себя на messiанство? Разве готов был взвалить на себя ответственность за человечество? Тут за себя-то бы ответить... Васисуалий Лоханкин – вот он кто – с его ролью в Русской революции... Только сермяжной правды не дождался... Сбежал ещё до начала банкета. И слава Богу!

А ведь чего испугался-то? Даже ещё не опасности, а трудностей и неизвестности. Может, им там на трон посадить некого было: ждали первого, кто через ворота прибудет? Вон как радовались, обнимались, чуть ли не целовались. А меч – просто символ власти? Но нет уж: на фиг, на фиг, к терапевту. Проверять!? Ни-за-что!! Ни за какие коврижки! Ни-ни. Да и нет там уже никакого прохода. Два раза ходили: камень и камень, Стену Плача с таким же успехом можно было потолкать.

Илья с жалостью смотрел на товарища: за изменениями выражений его лица, за покотившимися слезами – и не дожидаясь кульминации переживаний, приобнял за плечи и повёл назад к автобусам, хоть и собирались ещё раз сходить к Золотым Воротам.

– Что, Илюша, испортил тебе поездку?

– Окстись, Дима, с такими приключениями как с тобой, ни одна контора развлечений не справится. Так что я не в пролёте.

– Завтра на Мёртвое море рванём – отдохнём немного перед отлётом.

– Ну и ладненько.

И вот самолёт подминает под крыло всё новые километры этой многострадальной земли, бывшей свидетельницей множества

драматических событий. Сколько людских судеб сплелось с мелькающими сейчас за иллюминатором долинами и холмами. Сколько решений было здесь принято. Сколько выборов сделано. Выборов самых разных: затрагивающих и судьбы народов на множество лет и ни на что особо не влияющих. Но какие бури чувств и потоки мыслей вызывали последствия этих решений, не важно каких: и судьбоносных, и малозначимых, исчезающе мизерных.

Ведь каждого человека гораздо больше волнуют события, происходящие непосредственно с ним, и не важно – еврей он на земле обетованной или эскимос в снежной тундре. По крайней мере, так думается «нормальному», обычному представителю социума – обывателю. Но, может, где-то тут и прячется разница между обычным и необычным индивидами? Может люди, переживающие за боль другого, больше чем за собственную, и могут менять этот мир к лучшему? Давать ему хоть какой-то шанс? И есть ли возможность стать таким, или «рождённый ползать...».

Действительно, рождаются ли человеком с миссией или становятся им? А если становятся, то как? В какое время, каком возрасте? Выбирает ли человек миссию по себе или миссия сама выбирает подходящего кандидата? Кто ответит? И есть ли однозначный – один на всех – ответ.

Разговаривать о важном в салоне эконом-класса компании «Эль Аль» не хотелось: шум, попутчики, полётные тревоги. Думали каждый о своём, заполняя три с половиной часа обычным авиадосугом: поели, попили, послушали музыку, попытались задремать, закутавшись в выданный крупноклеточный плед.

Зато в Москве ехать куда-либо не захотелось и, закусив в аэровокзальном быстропите, часы перерыва между рейсами друзья решили пересидеть в зале ожидания.

Историю своего заполза в мир таинственных прекрасных дев с мечами, изящным шляпкам предпочитающим рогатые шлемы, спасённый проректор поведал своему спасителю в первый же вечер. Илья, сыгравший в этой истории роль Голоса: в начале пророческого, а в конце голоса Ариадны – ну, раз Логоса не случилось, так хоть Голос не сплеховал – выслушал всё спокойно, сомнений в произошедшем, по крайней мере вслух, не высказывал. Более правдоподобных версий событий не выдвигал. А мог бы, ну хоть самую очевидную: вылезши в медресе по ту сторону ворот, Дима увидел оставленную без присмотра одежду и – хохмы ради – переделся да двинул обратно. Но вот не замечал он за проректором раньше ни склонности к таким шуточкам, ни выдающихся актёрских способностей, а сыграть потрясение ТАК – под силу только гениальному лицедею.

Выискивая между рядами кресел местечко поспокойнее наши путешественники были остановлены маленькой девочкой с какой-то забавной механической игрушкой. Безошибочной детской интуицией

угадав в Дмитриии любителя покопаться в разной мелкой технике, кроха протянула ему своё голенастое членистоногое нечто:

– Поломалось, не гудит, сделай, дяденька.

– Что тут у тебя не гудит?

– Да вот – техоножка.

Тут подоспела и мама малышки:

– Ой, извините, пожалуйста. – И дочке: – Не приставай к дяде, дома папа починит.

– Ничего страшного, нам всё равно нечем заняться, – и успокаивая надувшуюся было девчущку, голосом Пятачка добавил. – До отлёта я совершенно свободен.

Присев тут же на свободное кресло, он добыл из кармана маленькую отвёрточку и, разбираясь с болезнью этой многоногой чупакабры, заодно выяснил кучу интересных подробностей: девочку зовут Леночка; ездили они с мамой в деревню к бабушке; сейчас полетят домой к папе; петуха они в деревне не видели, и куриц тоже – яички покупали в магазине на машине; видели козу и корову, пили ихнее молоко... и ещё много, много важных вещей выяснилось за время реанимации этой техоножки... Времени на выяснение которых как раз хватило до момента загудения и зашевеления ногами.

– Ой, благодарю вас, она с этой страшилкой всю дорогу в обнимку! Что надо сказать дяде?

– Спасибо, дяденька.

– Да кушай с булочкой.

– Нет, не буду.

– Ну, тогда играй на здоровье.

– Ага.

Провожая взглядом счастливый цветок жизни, довольный Самоделкин завистливо обронил:

– Много ли человеку для счастья надо? Кто бы мне вот так поковырялся в голове да поставил всё на место?

– А что у тебя не в порядке с головой? – откликнулся Илья, до этого молча наблюдавший за происходящим.

Ждать ответа пришлось довольно долго. Вопрошённый молчал, вслушиваясь в объявления об отправлениях-прибытиях и разглядывая через большие окна взлётную полосу.

– Мы с тобой уже говорили о произошедшем, но только в плане: что это было и как это возможно, а вот меня всё больше мучает вопрос, что мне теперь делать?

– Я знаю, чего бы не стал делать сам.

– И, ну?

– Хвататься зв бутылку. А вот тебе грамм пятьсот вполне могли бы править мозги на место.

– Ну, не знаю... никакого желания нет, даже мысли не возникало, я

как оттуда выпал – даже курить не хочу, так ни одной сигаретки и не высмолил... а ведь так хотелось, так хотелось...

– Эк тебя приложило-то... а лопатки не чешутся? Голову ничего не припекает? Да ладно... Это я брякнул, что первое в голову пришло, вообще-то алкосерфинг – чисто русская забава, национальный вид спорта, давно принявший масштабы национального бедствия...

Ещё помолчали.

– Чувствую, что как раньше жить не смогу, а насчёт того, как надо и что делать – в голове или полный вакуум или броуновское движение мыслей.

– Озвучь-ка хоть одну молекулу этого движения.

– Да вот, что же заставило меня сбежать оттуда: банальный страх или гипертрофированный инстинкт самосохранения?

– А между ними есть разница?

– Не знаю.

– Да не парься, всё нормально с твоим инстинктом: ты же не индеец из племени Мачо Пикчерс, супермен без страха и упрёка, а нормальный хомо сапиенс. Инстинкт самосохранения – базовый, без него и человечества не было бы.

– Но он же животный!

– А мы кто? Разреши уж покошунствовать?

– Покошунствовать – это святое.

– Так кто же мы? Мы – приматы, что бы там Писания не иносказали, и ничто приматово нам не чуждо, в том числе и инстинкт продолжения рода.

– А этот-то здесь причём?

– Дедушка Фрейд говорил, что он при всём.

– Давай вот без Фрейда.

– Давай, – тут же согласился покладистый Илья-пророк, – но и без дядюшки Зигмунда известно, что инстинкт продолжения рода, это не только тяга к возвратно-поступательным упражнениям, но и забота о потомстве.

– Ну и?

– Ну и выходит, что это тот же инстинкт самосохранения, только «само» расширено и на других.

– А без лекций можно, какое это имеет отношение ко мне?

– Терпение мой друг, терпение, подберёмся ближе и к твоему телу. Назовём этот обобщённый инстинкт, – заметив тень гримасы на лице собеседника Илья поправился: – ну если слово инстинкт так претит тебе своей животностью, назовем его стремлением.

– Да, так лучше.

– Так вот, назовём это стремлением к сохранению.

– Ну назвали, и что?

– Давай-ка лучше я спрошу: кто сейчас входит в круг забот твоего

стремления к сохранению? Кого бы ты стремился защитить, развить, в общем – всемерно помочь? Первый это ты сам, а кто ещё?

– Ну, родные и близкие.

– Ещё?

– Друзья.

– Ещё.

– Барды из клуба авторской песни... ребята из кружка «Самodelкин»... студенты, в конце концов.

– Вполне достаточно. Вот если для них ты готов потратить свои силы, нервы, время, здоровье, ну а для кого-то может и жизнь, то можно сказать, что для них ты можешь выступить в роли... ну не будем трогать громкие звания, не мессией, а скажем... слизнём что ли с Гумилёвских пассионариев... скажем мессионарием.

– Мессионарием?

– Ну да, носителем миссии. Кто для тебя были те толпы за воротами? Никем. Естественно, ты и не захотел для них рисковать... Так?

– Да.

– Делаем вывод: ты не мессия и не бодхисатва, они стремились бы сохранить, спасти всех людей.

– Бодхисатва – всех чувствующих существ.

– Тем более.

– А по отношению ко мне совершенно верно: я не мессия, поэтому и сбежал.

– И правильно сделал: самозванцев нигде не любят.

– Это да.

– Но раз ты говоришь, что по старому жить не сможешь, то для людей из твоего ближнего круга ты можешь сделать хоть что-то: стать мессионарием. Или хранителем.

– Подожди, не гони лошадей, ты меня немного запутал, так по твоему выходит, что Мессия чувствует всех людей своими детьми и поэтому стремится спасти их даже ценой жизни?

– Если он Спаситель всего человечества, то выходит так.

Проректор опять надолго погрузился в молчание. А отораторствовавший Илья, отвалился было на спинку сиденья, но передумав, сходил в кафетерий и принёс кофе в пластиковых стаканчиках и тарелочку с какими-то пирожными.

Не прерывая мыслительного процесса, кандидат в мессионии неторопливо перекусил и, закончив оба действия одновременно, произнёс:

– Спасибо тебе, Илюша, за всё, с тобой одним я могу обо всём этом поговорить.

– Ну почему же, психолог с психотерапевтом с удовольствием тебя выслушают... и позовут своего старшего коллегу – психиатра.

– А ты не считаешь меня чокнутым?

– Не считаю, я достаточно долго тебя знаю.

– Но ты-то мне веришь?

– Я, Дима, агностик... и поэтому, в отличие от приверженцев и последователей чего-либо, я не знаю окончательную Истину; более того, чью-либо монополию на Истину я тоже не признаю, поэтому могу допустить возможность многого.

– Ну и ладно. Так что же мне сделать для своего ближнего круга: с женой мы в разводе, дочка взрослая и вполне счастлива в своей Новой Зеландии, родня вся далеко. С чего начать? С института, что ли?

– Дойдёт и до института, потом, может, и до города дорастёшь и дальше... главное не гонись за двумя зайцами, бери задачи по одной.

– Ну с чего лучше начать-то.

– С того, что у тебя лучше всего получается.

– А что у меня лучше получается?

– Да вот с мелкими дитями ты довольно ловко общаешься. Возьми в свой «Самоделкин» каких-нибудь трудных подростков: хулиганов-токсикоманов да повозись как следует – вот тебе и достойная задача.

Экс-мессия надолго погрузился в тяжёлые думы, одно было ясно: больше он никогда не будет прежним, навсегда канул в лету, ушёл безвозвратно старый образ преображённого в день воскресенья сына Михаила, проректора Академии, Биробиджанского доцента Берковича.

Оглавление

Женское счастье	4
Каждому – своё	5
Когда не ждёшь	7
Осколки ушедшей эпохи	10
Космические страсти	12
Сёстры по разуму	13
Золотой горшок	18
Исповедь графомана	20
Ох, тяжела ты...	23
Олегархические страсти	25
Паллада и Прометей.....	31
Наследники Истины	37
Попаданец	41
Про вампиров.....	42
Серая напасть	44
Неудавшаяся луна	46
Смерть ведьмы.....	46
Тест на мессианство.....	48

Тираж 50 экз.

 Рекламно-издательский сектор